

ПОВѢСТИ

БАЛЬЗАКА.

Переводъ съ Французскаго.

ПОВѢСТЬ ВТОРАЯ.

О П А С Н О С Т И П О Р О Ч Н О Й

Ж И З Н И.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1832.

ПОВѢСТИ

Б А Л Ъ З А К А .

СЦЕНЫ

ИЗЪ

ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ,

ИЗДАНЫЯ

Г. БАЛЬЗАКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. Б. и Л. К.

Ч А С Т Ъ П.я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра.

С. Петербургъ, 17 Января 1832 года.

Ценсоръ *Василій Семеновъ*.

СЦЕНА II.

О П А С Н О С Т И П О Р О Ч Н О Й Ж И З Н И.

Вечера всегда довольно поздно оканчивались у Виконпессы Гранльё. Въ одинъ изъ нихъ, прошлой зимой, въ госпшиной ея находились два поспореннiя лица. Молодой и красавый собою мущина вышелъ изъ оной услышавъ бой часовъ. Когда раздался спукъ его кабриолета, Г-жа Гранльё посмопрѣла вокругъ себя съ безпокойспивомъ, и замѣпя, что въ комнапѣ оставалось только двое мущинъ, копорые играли въ экарпе, она подошла къ своей дочери, какъ бы желая говорить съ нею.

Сія молодая дѣвица была съ изысканностію одѣта, очень мила и, стоя передъ каминомъ госпоиной, прислушивалась къ шуму, производимому по мостовой уѣзжающимъ кабриолетомъ, показывая видъ, что разсматриваетъ экранъ съ прекраснымъ липохромическимъ рисункомъ, которые не за долго предъ тѣмъ вошли въ употребленіе.

— Камшла, сказала Виконтесса, смотря на свою дочь со вниманіемъ, я предупреждаю тебя, что ежели ты впередъ будешь обращаться съ молодымъ Графомъ Ресто, такъ какъ сегодняшній вечеръ, то я не буду болѣе принимать его въ своемъ домѣ.

— Мапушка. . . . .

— Довольно, Камшла. . . . . Выслушай меня, ты у меня одна дочь, ты богата, посему не должна и думаешь выйши замужъ за молодаго человека,

не пмѣющаго совершенно никакого соспоянія. Ты пмѣешь ко мнѣ довѣренность, и такъ предославъ мнѣ, милая, управляешь пвоими поступками. И можно ли, въ семнадцатъ лѣтъ, здраво судить о нѣкоторыхъ приличіяхъ. . . . Я сдѣлаю тебѣ одно только замѣчаніе. — У Эрнеста такая мать, что распочипть милліоны. Онъ любитъ ее, и помогаетъ ей съ сыновнею привязанностію, достойною всякой похвалы; онъ также съ нѣжностію печется о своемъ братѣ и сестрѣ, что весьма похвально, прибавила она съ лукавымъ видомъ, но пока его мать жива, ни одно семейство не рѣшился ввѣрить Графу Респосудбу и имѣніе дочери.

— Я услышалъ нѣсколько словъ, копорыя раждають во мнѣ желаніе, вспушпть въ посредничестве между вами и Камиллою! . . . . воскликнулъ

одинъ изъ мушницъ, играющихъ въ вкарпе.

— Я выигралъ, Маркизь. . . . сказалъ онъ опносясь къ своему прошивнику, и оспавляю васъ, чцюбы шппи на помощь къ вашей племянницѣ! . . . .

— Вопъ чпо значипъ пмѣпъ слухъ спряпчаго! . . . . вскричала Виконпеса. Какъ могли вы услышати меня? я почпи на ухо говорила Камиллѣ.

— Я слышалъ глазами! опвѣчалъ спряпчій, приближаясь къ кампну.

Онъ сѣлъ на креслахъ возлѣ кампна, спарый дядя Камиллы помѣспился подлѣ нее, а Г-жа Гранльѣ заняла мѣсто на спулѣ, споявшемъ между креслами спряпчаго и небольшимъ диванчикомъ, на которомъ сѣдѣла ея дочь съ дядей.

— Пришло время, сказалъ спряпчій, разсказапъ вамъ приключеніе, которое будетъ полезно по двумъ оп-

ношеніямъ: во первыхъ, оно заключа-
етъ поучительные примѣры для дѣви-
цы Камиллы, а во вторыхъ, оно выве-
детъ васъ изъ заблужденія опноситель-
но того мнѣнія, которое вы имѣе-
те объ состояніи Эрнеста.....

— Приключеніе!... воскликнула Ка-
милла. О! начинайте, начинайте скорѣе....

Спрятчій бросилъ на Г-жу Гранльё
такой взглядъ, въ которомъ она лег-
ко могла прочитывать всю заниматель-
ность его разсказа для нее, по обстоя-
тельствамъ, въ которыхъ она нахо-
дилась.

Такъ какъ Виконтесса Гранльё, по
своей знатности, своему богатству,
образу мыслей занимала почти первое
мѣсто между живущими въ Сен-Жер-
менскомъ предместьи, то посему и
покажется не совсѣмъ естественнымъ,
что незначительный Парижскій спрятчій
такъ фамильярно говорилъ и обра-

щался съ нею. Впрочемъ не трудно объяснить сіе рѣдкое явленіе аристократической жизни.

Г-жа Гранльё возвратилась во Францію въ одно время съ Королевскою фамиліею. Она поселилась въ Парижъ, гдѣ прежде вела довольно скромную жизнь, и сначала получала пособіе, производимое, по приказанію Людовика XVIII изъ государственнаго казначейства. Спрятчій, имѣвъ случай открытъ ошибки пропивъ формъ, учиненныя, во время Республиканскаго правленія, при продажѣ дома, принадлежавшаго фамиліи Гранльё, утверждалъ что оный домъ долженъ поступить обратно во владѣніе Виконшессы. Онъ взялъ сіе дѣло на свой страхъ, выигралъ оное, и возвратилъ Г-жѣ Гранльё прежнюю ея собственность.

Ободренный смѣль успѣхомъ, онъ такъ удачно умѣль употребилъ разныя судебныя придирки, пигаясь съ Департаментомъ Удѣловъ (domaine extraordinaire de la couronne) и Гражданскою Палатою (régie de l'enregistrement) что выхлопоталъ Виконтессѣ Гранльевскій лѣсъ, нѣскольکو акцій на Орлеанскій каналъ, и нѣкоторыя недвижимыя имѣнія, довольно значительныя, копорыя Императоръ отдалъ подѣ общеспвенныя заведенія. Искусство, усердіе молодого спрянчаго къ дѣлу споль удачно способствовали къ восстановленію соспоянія Г-жи Гранльё, что въ 1820 году она уже имѣла спотысячъ ливровъ годоваго дохода. По прошествіи же нѣкотораго времени, она получила за незаконное владѣніе ея имѣніемъ, огромныя суммы, благодаря стараніямъ молодаго законоискус-

ника, который сдѣлался другомъ семейства.

Онъ имѣлъ болѣе сорока лѣтъ отъ роду. Былъ человекъ испытанной честности, ученый, скромный и хорошаго тона. Посупокъ его въ отношеніи къ Г-жѣ Гранльѣ приобрѣлъ ему уваженіе и довѣренность болѣею части домовъ Сен - Жерменскаго предместья; но онъ не старался воспользоваться еимъ благорасположеніемъ, какъ бы то могъ сдѣлать человекъ честолюбивый. Исключая дома Г-жи Гранльѣ, куда онъ приходилъ иногда проводить вечера, спрячій не посѣщаль никого. Онъ приспраспился къ занятіямъ, и сверхъ сего слишкомъ много находилъ счастья въ семейственной жизни, чшобы гоняться за свѣтскими удовольствіями. Къ счастью его, дѣло Г-жи Гранльѣ послужило поводомъ къ обнаруженію его честности.

сти и талантовъ, ибо въ противномъ случаѣ, его ученіе вѣроятно погибло бы безъ пользы. Онъ не имѣлъ души спряччаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ Графъ Эрнестъ Респо началъ посѣщать домъ Г-жи Гранльё, и какъ спряччій открылъ сочувствіе, соединявшее Камиллу съ симъ молодымъ человекомъ, онъ началъ учащать домъ Г-жи Гранльё, какъ *данди* Анпенскаго Шоссе, только что принятый въ обществахъ благороднаго предмѣстья.

За нѣсколько дней предъ симъ, онъ сядя возлѣ дѣвицы Камиллы Гранльё и указавъ ей на молодаго Графа, сказалъ :

— Какъ жаль, что эпошъ молодець не имѣеть двухъ или трехъ миліоновъ, не правда ли? . . . .

— Развѣ эпо несчастіе? . . . . я не думаю, отвѣчала она. Г. Эрнестъ

обладаетъ многими талантами, онъ образованъ, Министръ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, хорошаго объ немъ мнѣнiя, онъ знаменитой фамилии, и я не сомнѣваюсь что, со временемъ, онъ будетъ человекомъ значительнымъ. Онъ будетъ имѣть такое состоянiе, какое пожелаетъ, достигнувъ важнаго мѣста.....

— Правда, но если бы онъ былъ богатымъ.....

Камилла покраснѣла.

— Если бы онъ былъ богатымъ, то всѣ молодыя дѣвицы, находящiяся здѣсь, такъ бы и увивались около него, опѣчала она, указывая на кадрили.

— И тогда, возразилъ широчей, дѣвица Камилла Гранльё не была бы единственнымъ предметомъ, на который онъ обратилъ бы взоры... Вотъ, почему вы краснѣете, Камилла? Онъ

вамъ нравится, не правда ли?.... Не скрыпничайте, признайтесь.....

Камилла поспѣшно вспала.

— Она его любитъ! подумалъ спряпчій. И съ сего дня Камилла замѣтила, что другъ ея законоискусникъ, одобряетъ раждающееся въ ней чувство къ молодому Графу Эрнеспу Ресто.

И такъ спряпчій началъ говорить, и рассказалъ тѣ сцены, которыя читатель увидитъ въ слѣдующихъ главахъ. Онѣ переданы съ такою вѣрностію, какую только допускаютъ различія между изустнымъ разговоромъ и письменнымъ повѣствованіемъ.

РОСТОВЩИКЪ.

— Такъ какъ я самъ дѣйствующее лице въ семъ приключеніи, и какъ оно напоминаетъ мнѣ самыя романтическія обстоятельства моей жизни, то я надѣюсь, что вы мнѣ позволите слѣдовать моему вдохновенію. Представте себѣ, Камилла, что мнѣ двадцать семь лѣтъ, и что происшествія, копорья я расскажу, случились вчера. Я начну описаніемъ такого челоуѣка объ копоромъ вы не можете сослаться себѣ ни какого понятія, а именно: объ Ростовщикѣ.

Ростовщикъ : 'можете ли вы себѣ ясно представить лице сего чловѣка? Оно блѣдно , и я бы желалъ , чшобъ Академія позволила мнѣ назвать оное *луннымъ ликомъ*. Оно походитъ на серебро, съ котораго сошла позолота. Волосы гладки, щательно причесаны, и имѣютъ пепельный цвѣтъ. Лице безспасно, подобно лицу Г. Талейрана: это черны, вылитыя изъ бронзы. Глаза желтые , какъ у кунцы , почти безъ ресницъ. Носъ острый, губы тонкія. Чловѣкъ сей говоритъ тихо, голосомъ спокойнымъ , и не горячится никогда; маленькіе глаза его защищены всегда отъ свѣта зеленымъ козырькомъ старой фуражки. Онъ всегда одѣтъ въ черное платье. Лѣта его задача : незнаешь , состарѣлся ли онъ прежде времени , или берегъ себя въ молодости для того, чшобы она служила ему вѣчно.

Комната его опрятна, какъ платье Англичанина, но все въ ней исперто, начиная отъ ковра передъ кроватью до зеленого сукна его конторки. Горница его походитъ на хладное святилище спарой дѣвы, которая проводитъ цѣлый день напрася спарую мебель. Все въ ней грубо и всюду видѣнь недоспатокъ. Зимую, я ни разу не замѣнилъ, чшобы головни въ его каминѣ плотно лежали одна съ другою, и онѣ гдѣются безъ пламени, почти всегда зарытыя въ кучѣ золы.

Жизнь сего челоѵка протекаетъ съ столь же малымъ шумомъ, какъ песокъ древнихъ клецидровъ. Всѣ его поступки, начиная съ той минушы когда онѣ вспааетъ съ постелю, до самаго вечера, урочнаго времени его припадковъ кашля, подвержены такой же правильности, какъ и ходъ стѣнныхъ часовъ. Его можно назвать *образцо-*

вымъ челоуькомъ, копораго заводитъ сонъ. Если прикоснешь къ мокрицѣ, копорая ходитъ по бумагѣ, то она остановится и припворится мертвою; такъ и эптоу челоуькъ вдругъ останавливается посреди начатаго имъ разговора, когда услышитъ спукъ проѣзжающей кареты, дабы не возвыситъ голоса. Подобно Фонпенелю, онъ спарается сберегать свои жизненные силы, и сосредоточиваетъ всѣ челоуьческія чувства въ одномъ я. Иногда жертвы его корыстолубія кричатъ, сердятся, попомъ, въ его кабинетѣ, снова водворяется глубокая тишина, какъ въ кухнѣ, когда рѣжутъ ушку.

До семи часовъ вечера онъ сохраняетъ видъ важный; но въ восемь, *вексельный челоуькъ* становится обыкновеннымъ челоуькомъ: эпто тайна превращенія металловъ въ сердце челоуьческое. Тогда онъ попираетъ себѣ ру-

ки, и веселость его, въ эту минушу, походишь на глухой смѣхъ Американца *Коженая Обувь* (Bas de Cuir); новъ самыхъ сильныхъ порывахъ радости, разговоръ его всегда бываетъ самый лаконическій. Таковъ сосѣдъ, копорымъ судьба меня наградила, въ домѣ, въ улицѣ Гре, гдѣ я живу.

Этотъ домъ помень и сыр. Онъ безъ двора, посему всѣ комнаты имѣють видъ только на улицу. Монастырское распределеніе сего зданія на комнаты равной величины, изъ которыхъ каждая имѣеть одну дверь, выходящую на длинный корридоръ, освѣщаемый съверху, свидѣтельствуетъ, что сей домъ принадлежалъ некогда какому нибудь монастырю. Видъ сего спроеенія столь печаленъ, что радость оставляетъ каждого прежде, нежели онъ войдетъ къ моему сосѣду. Сей послѣдній похожъ на домъ, въ которомъ жи-

вепь. Это усприца, врильнувшая къ скалъ.

Жизнь его еспь тайна. Единствен-
ный человекъ, съ копорымъ онъ
имѣеть жипейскія сношенія, это я.
Онъ приходитъ ко мнѣ за огнемъ, за-
нимаетъ книги, журналы; а въ вечеру
одинъ я, имѣю позволеніе входить къ
нему въ келью, и съ однимъ мною онъ
бесѣдуетъ охотно. Такіе знаки довѣ-
ренности супь плоды семилѣтняго
сосѣдства. Имѣеть ли онъ родствен-
никовъ, друзей? не знаю. Я ни одного
су не видѣлъ у' него ни разу. Все его
имущество — въ подвалахъ Банка. Онъ
самъ получаетъ свои векселя, и гово-
рилъ мнѣ, что, при взысканіи должныхъ
денегъ по каждому письменному обя-
зательству, онъ получаетъ два фран-
ка за поѣздку. Его ноги такъ же су-
хи, какъ у оленя. Впрочемъ онъ сзмь
мученикъ своей скрытности: однажды

взявъ случайно съ собою золотыя деньги, онъ выронилъ изъ своего кармана, неизвѣстно какимъ образомъ, двойной наполеондоръ; жилецъ, который шелъ за нимъ по лѣстницѣ, поднялъ монету и хопѣлъ возвращить ему оную.

— Это не мое! . . . . опвѣчалъ онъ ему съ видомъ удивленія, у меня никогда не бываетъ золота ни дома, ни при мнѣ! . . . .

Поутру, онъ самъ варитъ для себя кофе на тонкой, желѣзной канфоркѣ, которая вѣчно сповишь въ щемномъ углѣ камина. Трактирщикъ приноситъ ему обѣдъ. Старая приврапница, въ положенный часъ, приходитъ убирать его горницу. Наконецъ, по спранныму случаю, который Спернъ назвалъ бы предназначеніемъ, человекъ сей именуется Г. Гобсекъ. *)

---

*) Игра словъ на Французскомъ языкѣ: *gobert* значить *хватать*, *sec* — *крѣпко*.

— Божусь, что вашъ сосѣдъ для меня крайне занимателенъ! . . . . воскликнулъ старый дядя.

— Я бы почелъ его апейстомъ, если человѣчество, общежитіе входятъ въ составъ религіи, продолжалъ спряпчій. Посему, я намѣренъ былъ изслѣдовать его съ точностію, и называлъ это дѣйствіе, анапомією *homo duplex*, нравственнаго человѣка.

— Но не перебивайте меня болѣе, Маркизь, въ пропивномъ случаѣ вы погасите во мнѣ жаръ вдохновенія. Продолжаю свою импровизацію.

Однажды вечеромъ я вошелъ къ сему человѣку, который сроднился съ золопомъ. Онъ сидѣлъ въ креслахъ съ неподвижностію испукана, вперивъ глаза на доску камина, на которой, казалось, онъ читалъ учебную книгу, (*bordereaux d'escompte*). Ночникъ, какъ у приврапниковъ, производящій угаръ,

запачканный, съ подспавкою, кенюра
нѣкогда была зеленою, изливаль крас-
новатый свѣтъ на его блѣдное лице.
Онъ взглянулъ на меня, не сказавъ ни
слова; но возмъ него спояль пригошов-
ленный для меня спуль.

— Мыслящее ли это существо?
подумаль я. Знаеть ли оно, что еспь
Богъ, чувспва, женщины, счастье? . . . .
Я сожалѣль объ немъ, какъ о больномъ,
но я также постигалъ и то, что
если у него еспь миллионъ, сохраняю-
щійся въ Банкъ, но въ мысляхъ, все-
ленная принадлежала ему.

— Здравствуйте, бапюшка Гоб-
секъ, сказалъ я ему.

Онъ оборопиль голову въ мою спо-
рону, и его черныя, гуспыя брови
сблизилсь немного. Сіе опличпнель-
ное движеніе выражало не менѣ самой
радоспной улыбки какого нибудь жи-
теля Юга.

— Вы сегодня такъ же угрюмы, какъ въ прошлый день, когда вамъ объявили о банкротствѣ того . . . . книгопродавца. Вѣроятно вамъ нынѣ никто не плащилъ денегъ? ибо, кажется, сегодня 31-е число . . . .

Я въ первый разъ заговорилъ съ нимъ о деньгахъ. Онъ посмотрѣлъ на меня, и опивчалъ своимъ *сладостнымъ* голосомъ, который довольно походилъ на звуки, издаваемые флейпою, когда на ней играетъ ученикъ, потерявшій амбушюръ:

— Я веселюсь . . . . .

— И такъ вы иногда веселились? Онъ пожалъ плечами, и посмотрѣлъ на меня съ сожалительною усмѣшкою.

— Вы считаете поэтами только пѣхъ, которые сочиняютъ стихи? спросилъ онъ у меня.

— И въ эпоху головѣ поэзія! . . . подумалъ я.

— Нѣтъ жизни завиднѣе моей, продолжалъ онъ.

Взоры его одушевились.

— Выслушайте меня, молвилъ онъ. Разскажь приключеній сего упра, да спѣ вамъ понятіе о моихъ удовольствіяхъ.

Онъ вспалъ, заперъ двери задвижкою, задернулъ занавѣску, сшипую изъ спарыхъ обоевъ, и кольца оной зазвенѣли о желѣзную жердочку; послѣ чего онъ возвратился на прежнее мѣсто, и сѣлъ.

— Сегодня поутру, сказалъ онъ, мнѣ слѣдовало получить деньги только по двумъ обязательствамъ, попому что всѣ остальные были выданы за наличныя деньги, еще вчера, людямъ имѣющимъ со мною дѣло. Первое обязательство получилъ я отъ прекраснаго молодого человека. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ пильбюри. Бумага была подписана, не знаю по

какому случаю, одною изъ прелеснѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ, которая замужемъ за богатымъ помещикомъ. Это обязательство было въ тысячу франковъ. По второму, въ такую же сумму, также долженствовала заплатить женщина, ибо оно было подписано Фанни Малво. Я получилъ оное отъ купца, торгующаго полоннами. Графиня живетъ въ улицѣ Гелдеръ, а Фанни въ улицѣ Монмарטרъ. Еслибы вы знали нѣкоторые романтическія догадки, которыя занимали мой умъ сегодня упрямъ, когда я выходилъ изъ дому! Какая гордая радость родилась во мнѣ при мысли, что если сѣмъ двѣ женщины не въ состояніи заплатить, то онѣ примутъ меня съ такимъ же уваженіемъ, какъ бы роднаго отца! . . . . Чего не предприметъ Графиня за тысячу франковъ! . . . . Она обойдется со мною ласково; будетъ говорить шѣмъ сла-

доспнымъ голосомъ, съ которымъ, можеть бытъ, встрѣчаетъ того, кто надписалъ сей билетъ; будетъ распочать передо мною ласковыя слова, можеть бытъ умолять меня, а я . . . .

Тутъ старикъ бросилъ на меня леденелый взоръ.

— А я, непоколебимъ! . . . . продолжалъ онъ, спую предъ нею, какъ исппшель; являюсь какъ угрызѣніе совѣсти; но оставимъ предположенія. Я прихожу.

— Графиня почиваетъ . . . . сказала мнѣ горничная.

— Когда ее можно будетъ видѣть?

— Въ полдень.

— Графиня нездорова?

— Нѣтъ, сударь; но она въ при часа пріѣхала съ бала.

— Меня зовутъ Гобсекъ . . . . скажите ей мою фамилію. Я приду въ полдень.

И я ухожу, оставивъ слѣды моего посѣщенія на роскошномъ коврѣ, послѣланномъ на плитахъ лѣстницы.

Остановясь въ улицѣ Монмартръ у дома проспой наружности, я отворилъ спарыя ворота; и увидѣлъ темный дворъ, который никогда не освѣщали солнечные лучи. Спѣны въ комнаткѣ привратника закопшились, и оконныя стекла походили на опворопы изношеннаго капота: они были запачканы, тусклы и перебиты.

— У себя ли дѣвица Фанни Малво? . . . .

— Она вышла со двора; но если вы пришлише за деньгами, то онѣ здѣсь. . . .

— Я зайду послѣ, сказалъ я. Ибо узнавъ, что сумма у привратника, я хотѣлъ увидѣть молодую дѣвушку; я представлялъ себѣ, что она должна быть молода.

Утро я провелъ разсмапривая эстампы, выспавленные на бульваръ, и ровно въ полдень былъ въ госпиной Графини, возлѣ ея спальни.

— Барыня только сей часъ позвонила, сказала мнѣ горнишная, и я не думаю, чтобъ она могла принятьть васъ теперь.

— Я подожду!

И я усѣлся въ позолоченныхъ креслахъ.

Лишь только открыли спавни, какъ прибѣжала горнишная, и сказала мнѣ:

— Войдите, сударь. . . . .

По голосу, копорымъ она произнесла слова сѣи, я догадался, что госпожа ея не можетъ заплапить мнѣ. Но какую красавицу увидѣлъ я! . . . . Она наскоро набросила на свои голыя плечи кашемировую шаль, копорою она закрылась такъ плотно, что ея восхищительныя формы обрисовывались

совершенно. На ней былъ красивый упренный нарядъ, бѣлый какъ снѣгъ. Ея черные волосы небрежно разсыпались изъ подъ прекраснаго Индейскаго плапочка, зашѣйливо повязаннаго на ея головѣ, по-Креольски. Поспелъ ея представляла живописный безпорядокъ. Видно было, что сонъ ея былъ безпокойный. Живописецъ дорого бы заплашилъ, чтобы увидѣть подобную сцену.

Тамъ — подъ занавѣсками сладоспраспно раскинутыми, лежала на пуховикѣ, покрытомъ голубою шелковою матерією, подушка, и ея кружевная оборка ярко отдѣлялась отъ лазореваго поля. На широкой медвежьей кожѣ, постланной у львиныхъ лапъ, вырѣзанныхъ на ножкахъ, краснаго дерева кровати, блистали два апласные башмачка, брошенные на оную со всею небрежностію, причиняемою услао-

спію бала. На креслахъ висѣло смятое плащье, рукава коего доспавали до полу. Чулки, которые бы унесъ зефиръ, обвисались около ножки кресель, и бѣлыя подвязки были кинушы на небольшой диванчикъ. Цвѣты, брилланты, перчатки, букетъ, поясъ лежали въ безпорядкѣ. Я чувспвоваль легкій благовонный запахъ. Дорогое опахало, полуразпущенное, было положено на каминъ. Ящички комода были выдвинуты. Все предспавляло видъ роскоши и безпорядка, красоты безъ гармоніи, богатспва и нищеты. Успалое лице Графини соопвѣпспвовало сей комнапъ, являвшей въ полной мѣрѣ безпорядокъ послѣ бала. Я съ презрѣніемъ смопрѣль на сіи бездѣлки; накануне, онѣ служили убранспвомъ Графини, и, можетъ быпъ, родили въ комъ нибудь бредъ безумспва. Онѣ были какъ бы оспанками любви, по-

раженной угрызеніями совѣсти, изображеніемъ жизни разсвѣтной, роскошной. Таковы усилія Танпала, уловивъ удовольствія, лишеныя существенности. Красноватая пятна, появившіяся на лицѣ Графини, свидѣтельствовали о нѣжности ея плѣти; всѣ черты ея сдѣлались какъ бы грубѣе, и темный полукругъ, рисовавшійся подъ ея глазами, оппечатывался рѣзче обыкновеннаго. Не смотря на это, природа являла еще довольно силы для того, чтобы сіи примѣты разсвѣтной жизни, не измѣнили ея красоты. Ея глаза блиспали; она походила на одну изъ плѣхъ Иродіанокъ, копорыхъ изображала кисть Леонарда Винчи (ибо я торговалъ картинами). Она изобиловала жизнію и силой. Мысль не находила ни какого недостатка въ ея формахъ и чертахъ, въ копорыхъ не видно было никакой скудости. Она возбуждала къ себѣ любовь,

но сама, казалось, была превьше любви. Она понравилась мнѣ. Уже давно сердце мое не билось. Мнѣ казалось, что мнѣ уже заплапили; попому что я готовъ жертвовать болѣе нежели тысячью франками за ощущение, которое напоминаетъ мнѣ дни моей молодости.

— Милоспивый государь, сказала она, предлагая мнѣ спуль, не угодно ли вамъ будетъ подождать? . . . .

— До завпрешняго полудня, милоспивая государыня, отвѣчалъ я, сложивъ облигацію, которую я подавалъ ей. . . . . Я раньше не имѣю права прощесповать. . . . .

Въ поже время я говорилъ про себя: — Плапи за твою роскошь, плапи за твое имя, плапи за твое счастье, плапи за монополию, которую пользуешься. Для несчастныхъ, неимѣющихъ куска хлѣба, есть судилище, судьи, палачи; но для васъ, утопаю-

дихъ въ лебяжемъ пухъ, еспь угрызенія совѣспи, скрежетъ зубовъ, скрываеый улыбкою, и спальные когти, копорья давятъ ваши сердца.

— Пропешть! . . . . подумали ли вы объ этомъ? . . . . вскричала она, посмотрѣвъ на меня. И вы такъ мало будете имѣть ко мнѣ уваженія! . . . .

— Когда бы Король былъ моимъ должникомъ, сударыня, и не соглашался бы мнѣ уплатить долгъ, то я бы и его позвалъ къ суду. . . . .

Въ сію минупу мы услышамъ, что кто-то по тихоньку стучится въ двери Графининой спальни.

— Меня нѣтъ дома! . . . . вскричала повелительнымъ голосомъ молодая женщина.

— А мнѣ бы весьма желательно было увидѣться съ тобою, Емилиа. . . . .

— Не теперь, любезный, отвѣчала она голосомъ менѣ твердымъ, но однакожь еще безъ кропоспи.

— Ты шутишь, ибо съ кѣмъ-то говоришь. . . .

И мущина, вѣроятно Графъ, вдругъ вошелъ въ комнату. Графиня посмотрѣла на меня. — Я ее понялъ. Она сдѣлалась моею рабою. Ахъ! было время, когда я до такой степени былъ глупъ, что не хотѣлъ пропешповать.

— Что вамъ угодно, сударь? . . . . спросилъ меня Графъ.

Я увидѣлъ, какъ жена его содрогнулась. Бѣлая, нѣжная ея шея, сдѣлалась какъ бы шероховатою. Можно было сказать о ней, по просонародному изрѣченію, что ее *подирало по кожу*. Я же смѣялся, и ни одна моя жила не трепетала.

— Это одинъ изъ моихъ поспав-
щиковъ. . . . . сказала она мужу , ука-
зывая на меня.

Графъ обернулся ко мнѣ спиною,
а я спалъ вынимаю изъ кармана об-
лигацію. При семъ движеніи , свидѣ-
пельствующемъ о моей непреклонно-
сти , молодая женщина подошла ко
мнѣ , и вручая мнѣ бриліантъ , сказала :

— Возмите это , и удалитесь ! . . . .

Я обмѣнялъ съ нею облигацію на
драгоценный камень , и , поклонившись
ей , вышелъ. Бриліантъ вѣрно стоилъ
тысячи двухъ сотъ франковъ. На дво-
рѣ я увидѣлъ какъ обмывали два пы-
шные экипажа , какъ лакеи выколачи-
вали свои ливреи , и чистили сапоги.
Вопъ , что приводитъ ко мнѣ этихъ
людей , сказалъ я про себя ; вопъ , что
побуждаетъ ихъ , подъ благовиднымъ
предлогомъ , похищать цѣлые милліоны,
и заспавляетъ бытъ измѣнниками сво-

его отечества. И чтобы не выпачкашься, идя пѣшкомъ, когда нибудь должно же выкупаться въ грязи!....

Въ самое сіе мгновеніе отворились ворота, и красивый шильбюри молодого человека, предъявившаго мнѣ облигацію, въѣхалъ на дворъ.

— Милостивый государь, сказалъ я ему, когда онъ соскочилъ съ шильбюри, вопъ двѣспи франковъ, которые прошу васъ отдать Графинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать ей, что залогъ, который я получилъ отъ нея, будетъ въ ея разположеніи въ продолженіи недѣльнаго срока. Онъ взялъ сіи двѣспи франковъ, и съ успѣ его сорвалась усмѣшка, какъ бы желая сказать:

— А! она заплапла! ну, тѣмъ лучше!

Я прочиталъ въ его физиогноміи будущую судьбу Графини.

Я пошелъ въ улицу Монмартръ къ дѣвицѣ Фанни. Взойдя по крушой, узкой лѣспницѣ, добрался я до пятого этажа, и вошелъ въ покои недавно опдѣланные и весьма опрятно убранные. Я не замѣнилъ ни малѣйшей пылинки на проспой мебели, украшавшей комнату, въ которой меня приняла Фанни. Она была въ полномъ смыслѣ молодая Парижская дѣвушка: съ пріятнымъ и свѣжимъ лицомъ, привлекательнымъ видомъ, съ темнорусыми, искусно причесанными волосами, которые, образуя два локона на вискахъ, еще болѣе придавали оспроумія ея голубымъ, чистымъ какъ кристалль, глазамъ. Она была одѣта просто. Свѣтъ, проникая сквозь небольшія занавѣси, коими окна были задернуты, бросалъ слабый блескъ на сіе божественное лице. Она разбирала бѣлье, и разложенные около ея, скро-

енные куски полотна, открыли мне ее обыкновенные занавѣси. Она являла мне мечпашельный образъ уединенія. Подавая ей билетъ, я сказалъ, что не заспалъ ее поутру дома.

— Но, отвѣчала она, деньги были оставлены у приврапницы.

Я показалъ видъ, что не слыхалъ ее словъ.

— Вы, сударыня, кажется рано выходите со двора?

— О! я почти всегда сижу дома, но когда работаешь цѣлую ночь, ванны изрѣдка необходимы.....

— Я посмотрѣлъ на нее, и пошчасъ угадалъ все. Она, вѣрно, была изъ фамиліи нѣкогда богатой, которую несчастіе осудило на труды. Во всѣхъ ее чертахъ выражалась какая то добродѣтель, скромность и врожденное благородство. Все ее окружающее оправдывало мои предположенія.

Мнѣ казалось, что я дышалъ воздухомъ откровенности и чистосердечія. Я дышалъ свободно. У спѣсны спояла выкрашенная кровать изъ проспаго дерева, надъ копорю висѣло распятіе, украшенное двумя вѣпьями буксоваго куспарника. Я былъ готовъ оставить ей уже пересчитываемыя мною деньги, равно какъ и бриліанты Графини; но я подумалъ, что подарокъ сей будетъ, ей можетъ быть, пагубенъ; и разсудивъ хорошенько, я оставилъ у себя все, тѣмъ болѣе, что какая нибудь актриса или невѣста охотно дадутъ полторы тысячи франковъ за бриліантъ. — И къ тому жъ, подумалъ я, у нея можетъ быть, есть какой нибудь двоюродный братецъ, копорый сдѣлаетъ изъ бриліанта булаву, и промотаетъ мою тысячу франковъ!

Когда вы вошли ко мнѣ, то я только что раздумывалъ, что Фанни Малво могла бы быть премиленькою хозяйкою.

Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль, я буду размышлять о разности сей непорочной и уединенной жизни съ жизнію Графини, копорая уже сдѣлала шагъ къ пороку!

— Ну, скажите теперь! продолжалъ онъ, по крапковременномъ, по глубокомъ молчаніи, въ продолженіи котораго я не сводилъ съ него глазъ, думаете ли вы что мало значить пронизать такимъ образомъ въ глубину сердца человѣческаго, освоишься съ жизнію другихъ, видѣть ее во всей наготѣ? Таковыя зрѣлища всегда являютъ большую разнообразность: язвы опшрапительныя, печали невыносимыя, любовныя сцены, бѣдствія, коимъ волны Сены полагаютъ конецъ, удоволь-

ствія , предающія молодыхъ людей въ руки палача, судорожные смѣхи опчянія и роскошныя празднества. Вчера видѣлъ трагедію: отецъ семейства, умерщвляющій себя самопроизвольно, потому что болѣе не въ состояніи прокормить своихъ дѣшей; завтра увидишь комедію: молодой человѣкъ будетъ разыгрывать сцену Г. Диманша, прибавляя къ ней собственныя свои шулки. При мнѣ не разъ восхищались краснорѣчіемъ Мирабо. Я самъ вспарину слыхалъ его , и никогда не чувствовалъ себя пронутымъ. Но часто молодая, влюбленная дѣвушка, старый негоціантъ, кандидатъ банкротства, мать желающая скрыть просупки своего сына , заставляли меня трепетать силою словъ своихъ. Сія дѣйствующія лица, съ совершенствомъ разыгрывали свои роли и — для меня одного. Но я не даюсь въ обманъ. Взоръ

мой, видишь сердца. Ничто отъ меня не скрыто. Чего не достаешь мнѣ? Я обладаю всѣмъ. И откажутъ ли въ чемъ нибудь тому, кто развязываетъ мѣшокъ и завязываетъ онъ? Можно подкупить государственнаго чловѣка и совѣсть, это принадлежность власти; можно купить нѣжнѣйшія ласки женщинъ — вопъ удовольствія; все можно купить. Мы, безмолвные и неизвѣстные Цари сей жизни; ибо деньги — жизнь. Но если я и наслаждался всѣми благами, то уже пресытился оными. Въ Парижѣ подобныхъ мнѣ чловѣкъ съ тридцать. Соединенные одною и пою же цѣлю, мы собираемся, въ назначенные еженедѣльно дни въ одномъ кофейномъ домѣ близъ Новаго-Моста. Тамъ, открываемъ другъ другу всѣ тайны казны государственной. Ни одно частное состояніе не можетъ укрыться отъ нашей проницательно-

спи; ибо самыя сокровенныя обстоя-
тельства всѣхъ фамилій намъ извѣст-
ны, и у насъ есть, такъ сказать,
черная книга, въ которую записыва-
емъ важнѣйшія замѣчанія на государ-
ственный кредитъ, на Банкъ и на
торговлю. Мы разбираемъ самыя мало-
важныя дѣйствія. Мы законодатели на
Биржѣ. Подобно мнѣ, и мои поварищи,
по примѣру Іезуитовъ, цѣнятъ во
власти и въ деньгахъ, собственно
только власть и деньги.

— Здѣсь, сказалъ онъ, указывая на
свою пуспую, холодную комнату,
здѣсь, самый несповый любовникъ,
раздражающійся за одно слово и извле-
кающій шпагу, чтобы опомснить за
оное, умоляетъ меня сложивъ руки;
здѣсь умоляетъ меня самый надмѣн-
ный негоціантъ; здѣсь умоляетъ меня
тщеславная красавица; здѣсь умоляетъ
меня гордый воинъ, умоляютъ меня

знаменитый арписель и писатель, котораго имя должно перейти въ потомство; здѣсь наконецъ, прибавилъ онъ приложивъ руку къ своему челу, здѣсь вѣсы, на копорыхъ взвѣшиваюся всѣ наслѣдства, и даже самый Парижъ! . . . .

И такъ, можете ли вы думать, чтобы не скрывались удовольствія подъ сею блеклою личиною, неподвижность копорой васъ сполько разъ удивляла? . . . . сказалъ онъ мнѣ, выставляя блѣдное свое лице, копорое пахло деньгами.

Изумленный, я возвратился домой. Этого малорослый, сухой старикъ, въ моихъ мысляхъ выросъ. Онъ превратился въ моемъ воображеніи въ какой-то мечпательный призракъ: я видѣлъ въ немъ могущество олицетвореннаго золота. Жизнь, люди сдѣлались для меня ненавистными.

— Развѣ все должны рѣшать однѣ деньги? спросилъ я самого себя.

Я помню, что заснулъ въ сію ночь очень поздно. Я видѣлъ вокругъ себя груды золота. Лице прекрасной Графини занимало меня долго, и я, къ стыду долженъ признаться, что оно запимило въ моей памяти образъ сего кропкаго и милаго существа, которое обречено на труды и забвеніе.

Но поупру, передъ самымъ моимъ пробужденіемъ, непорочная и божественная Фанни явилась въ моихъ мечтахъ, во всей ея красотѣ, и я думалъ только объ ней.

— Не угодно ли вамъ выпить спяканъ воды съ сахаромъ? . . . . сказала Виконсеса, прервавъ спряпчаго.

— Охотно, отвѣчалъ онъ.

Госпожа Гранльѣ позвонила.

— Но, сказала она, я не вижу въ

вашемъ разсказѣ ничего такого, что-бы могло имѣть отношеніе къ намъ. . . .

— Сарданапаль! . . . . вскричалъ спряпчій (это было его любимое восклицаніе). Я возбужу вниманіе въ двѣицѣ Камиллѣ, когда открою ей, что счастье ея зависить теперь отъ Гобсека; что же касается до Фанни Малво? . . . . Вы ее знаете? . . . . — Она моя жена!

— Вы бы, мнѣ кажется, возразила Виконтесса, съ привычною вамъ опкровенностію, сознались въ этомъ при двадцати свидѣтеляхъ!

— Я бы кричалъ на весь свѣтъ . . . молвилъ спряпчій.

— Выпейте, выпейте мой добрый пріятель; вы всегда будете счастли-вѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ . . . .

— Вы спанете продолжать? спро-сила Камилла.

— Конечно.

— Вы остановились на томъ мѣстѣ вашего разказа, гдѣ рѣчь шла о какой-то Графинѣ, живущей въ улицѣ Гелдеръ! . . . . проговорилъ старый Маркизь, подымая усыпленную свою голову. Что же случилось послѣ? . . . .

СТРЯПЧИЙ.

Спустя нѣсколько дней послѣ моего разговора съ Г. Гобсекомъ, я защищаль свою диссертацію, получилъ университетскую степень лиценціата правъ, и потомъ былъ принятъ адвокатомъ. Довѣренность ко мнѣ спарого кащя, послѣ сего чрезвычайно увеличилась. Онъ совѣтовался со мною *даромъ* о различныхъ щекопливыхъ дѣлахъ, которыя предпринималъ съ немовѣрною смѣлостію; и эптогъ человекъ, надъ которымъ никто бы не могъ снискагъ ни малѣйшей власпи, слушался моихъ совѣтовъ съ нѣкоп-

рымъ почтеніемъ. Правда и то, что онъ ни разу не имѣлъ причины раскапьясь въ помя. Наконецъ, въ помя день, когда меня назначили первымъ Клеркомъ конторы, въ которой я занимался уже три года, я съѣхалъ съ прежней моей квартиры въ улицу Гре, и поселился у спряпчяго, въ содержаніи котораго была помянутая контора. У него же я имѣлъ и споль.

Когда я прощался съ ростовщикомъ, онъ не изъявилъ мнѣ ни дружбы, ни неудовольствія. Онъ не приглашалъ меня навѣщать себя; но бросилъ на меня такой пронпцательный взоръ, который, казалось, обнаруживалъ въ немъ даръ предвидѣнія.

Спустия недѣлю, меня посѣпилъ мой прежній сосѣдъ. Онъ принесъ мнѣ дѣло довольно запруднишельное, объ *лишеніи илтънія*. Ростовщикъ приходилъ ко мнѣ для совѣщаній, и не пла-

имѣлъ мнѣ за оныя ни оболя, о чемъ онъ впрочемъ весьма мало заботился. Въ концѣ вѣселаго года, спрячій, человекъ никогда не жалѣвшій денегъ для своихъ удовольствій, находился въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ былъ доведенъ до такой крайности, что рѣшился продать свое мѣсто. Въ то время (въ 1816 году), право на содержаніе конторы спрячаго плащилось несравненно дешевле того, что плащятъ нынѣ, а посему, пребуя семидесяти тысячъ франковъ за сіе мѣсто, спрячій отдавалъ оное почти даромъ. Человекъ дѣятельный, расторопный, знающій свое дѣло и имѣющій возбудить къ себѣ довѣріе, могъ въ два года выручить эту сумму.

Я не имѣлъ ни одного оболя, у меня не было ни одного знакомаго капиталиста, кромѣ Гобсека. Тще-

славная мысль и вмѣстѣ лучъ надежды придали мнѣ довольно твердости духа, чшобъ иппш переговоры съ росповщикомъ.

И такъ , однажды вечеромъ я отправился медленными шагами въ улицу Гре. Сердце мое сильно билось, когда я постучался въ двери темнаго жилища.

Тупъ я вспомнилъ все , что говорилъ мнѣ старый скупецъ въ то время , когда я не могъ себѣ составить понятія о мученіяхъ, ожидающихъ за порогомъ сей двери.

И такъ , мнѣ также предстояло умолять его , подобно другимъ . . . .

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ я про себя , честный человекъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ унижать собственнаго достоинства. Не куплю себѣ состоянія цѣною низости.

Со времени моего выезда изъ того дома, Гобсекъ велѣлъ сдѣлать въ своихъ дверяхъ окошечко съ рѣшеткою; онъ опперъ мнѣ не прежде, какъ узналъ меня.

— Ну, видно что спрячій вашъ продаетъ свое мѣсто . . . . . сказалъ онъ мнѣ своимъ привычнымъ, поненькимъ голосомъ.

— Какъ вы это узнали?—Онъ объ этомъ говорилъ только со мною . . .

Оконечности его рта вздернулись къверху, подобно занавѣсямъ, и сія нѣмая усмѣшка была сопровождаема проницапельнымъ и вмѣстѣ холоднымъ взоромъ.

— Когда бы не этотъ случай, то вы не пришли бы ко мнѣ? . . . . . прибавилъ онъ сухо, послѣ нѣкотораго молчанія, въ продолженіи котораго я былъ какъ бы самъ не свой . . . . .

— Выслушайте меня, Г. Гобсекъ,

возразилъ я, стараясь показать по возможности болѣе спокойствія духа, ибо старикъ не сводилъ съ меня безспрасныхъ своихъ глазъ, коихъ свѣплый пламень невольно приводилъ меня въ смущеніе.

Онъ сдѣлалъ знакъ, какъ бы желалъ сказать: говорише?

— Я знаю, что весьма трудно пронуть васъ; а посему не буду терять моего краснорѣчія, описывая вамъ положеніе сиропа, не имѣющаго ни одного су, который всю свою надежду полагаетъ полько на васъ, и не имѣетъ въ цѣломъ мірѣ другаго сердца, кромѣ вашего, которому бы могъ повѣрить опасенія въ разсужденіи своей будущности. Все это прекрасно, но дѣла производятся какъ дѣла, а не такъ какъ романы, съ приправою чувствительности. Вотъ о чемъ идетъ рѣчь. Мѣсто спрячяго, у котораго

я клеркомъ, приносишь ему до тридцати тысячъ франковъ годоваго дохода; въ моихъ же рукахъ, я думаю, оно будетъ приносить пятьдесятъ. — Онъ продаетъ оное за семьдесятъ тысячъ франковъ, и я чувствую шутъ, сказалъ я приложивъ руку къ своему челу, что еслибы вы дали мнѣ въ займы сію сумму, то въ продолженіи двухъ лѣтъ, я бы уплатилъ вамъ долгъ.....

— Что дѣло — то дѣло!..... воскликнулъ кропкимъ голосомъ Гобсекъ.

Онъ пропянулъ ко мнѣ свою руку, и пожалъ мою.

— Никто еще, продолжалъ онъ, съ пѣхъ поръ, какъ я занимаюсь дѣлами, такъ ясно не излагалъ мнѣ причинъ своего посвѣщенія. — А ручашельства?..... сказалъ онъ, окинувъ меня взорами. — Нѣтъ, какъ нѣтъ. — Сколько вамъ опъ роду?.....

— Двадцать семь лѣтъ, отвѣчалъ я.

— Принесите завтра свидѣтельство о рожденіи, и мы поговоримъ о вашемъ дѣлѣ. Я подумаю.

На другой день, въ восемь часовъ утра, я былъ у спарика. Онъ взялъ свидѣтельство, надѣлъ очки, кашлянулъ, плюнулъ, запахнулъ свой черный халатъ, и прочелъ опть начала до конца выписку изъ реэспровъ, хранимыхъ въ Конпоръ Мера; потомъ перевернулъ оную нѣсколько разъ, посмотрѣлъ на меня, кашлянулъ, покачался на своемъ стулѣ, и наконецъ сказалъ мнѣ:

— Мы это дѣло постараемся уладить. . . . .

Я вздрогнулъ. . . . .

— Я беру по пятидесяти процентовъ на снѣ, продолжалъ онъ.

При сихъ словахъ я поблѣднѣлъ.

— Но, по знакомству, я готовъ взять съ васъ только по двѣнадцати на спо; согласны ли вы на это?

— Согласенъ, отвѣчалъ я.

— Но если проценты кажутся вамъ слишкомъ велики, возразилъ онъ, защищайтесь; я пребую съ васъ двѣнадцати съ половиною на спо; подумайте, въ состояніи ли вы будете заплатить ихъ?.... — Я не терплю челоуѣка, который при всѣхъ условіяхъ готовъ по рукамъ? Ну, не много ли?

— Нѣтъ, сказалъ я, мнѣ придется только побольше похлопотать.

— Вздоръ, ваши кліенты поплачутся!....

— Никогда, вскричалъ я, чоршь возьми!.... я самъ поплачусь!.... Скорѣе соглашусь опрубить себѣ руку, чѣмъ съ живыхъ сдирашь кожу....

— Слуга покорнѣйшій... сказалъ мнѣ Гобсекъ.

— Но плача за каждое дѣло утверждена закономъ,.... возразилъ я.

— За то нѣтъ никакихъ узаконенныхъ цѣнъ касательно опсрочекъ, условныхъ и мировыхъ сдѣлокъ!.... И въ подобныхъ случаяхъ вы можете брать по тысячи, даже по десяти тысячъ франковъ, судя по важности дѣла, за совѣщаніе съ вами, за поѣздки, за черновые акты, за записки и за разглагольствованіе. Должно умѣть пріискивать подобныя дѣла. Я буду опзыватьсь объ васъ, какъ о самомъ знающемъ и искусномъ спряцчемъ, и доставлю вамъ сполько птяжбъ въ этомъ родѣ, что всѣ ваши совмѣспники лопнутъ съ досады. Вербрусъ, Пальма, Жигонетъ, мои сотоварищи, поручаю вамъ свои дѣла объ лишеніи имѣній, и, Богъ знаетъ,

сколько таковыхъ у нихъ! . . . Тогда будетъ у васъ двойная практика! . . . та, которая доставится вамъ съ покупаемымъ мѣстомъ, и еще другая, которую я вамъ доставлю. . . . Не грѣшно бы даже потребовать мнѣ съ васъ по пятнадцати процентовъ со ста, на семидесяти тысячный мой капиталъ.

— Пусть такъ, сказалъ я.

Гобсекъ успокоился.

— Я самъ заплачу вашему спряч-
чему, продолжалъ онъ, дабы обезпе-
чить себя старшею закладною въ раз-
сужденіи капитала и поручительства.

— О! все, что вамъ будетъ угод-
но на счетъ ручательства. . . .

— Да еще, сверхъ того, вы дол-
жны представить мнѣ на мой капи-
талъ семьдесятъ акцептованныхъ ва-
ми, бланкетныхъ векселей, каждый въ
тысячу рублей.

— Согласенъ, но съ шѣмъ одна-
кожъ, чшобъ я былъ обезпеченъ за-
коннымъ порядкомъ опносптельно сей
плашы вдвойнѣ. . . .

— Нѣтъ! вскричалъ Гобсекъ, по-
чему вы хопите имѣшь менѣ довь-
ренности ко мнѣ, нежели я имѣю къ
вамъ. . . .

Я хранилъ молчаніе.

— Также, продолжалъ онъ съ про-
сподушіемъ, вы будете, пока я живъ,
ходить по моимъ дѣламъ, не требуя
плашы; не правда ли? . . .

— Пусшь шакъ, лишь бы только
мнѣ не приходилось давать въ займы
изъ собспвенныхъ моихъ денегъ. . . .

— Справедливо! сказалъ онъ. —
Ну, возразилъ спарикъ, котораго ли-
це съ принужденіемъ выражало прос-
подушіе, а скажите, позволяете ли вы
мнѣ посѣщать васъ? . . .

— Мнѣ всегда будетъ очень при-
яшно. . . .

— Оно такъ, но по упрямя - по
мудрененько; у васъ свои дѣла, и у
меня также. . . .

— Приходите вечеромъ.

— О нѣтъ! . . . отвѣчалъ онъ съ
живоспію, вы должны посѣщать об-
щеспіва, вашихъ кліентовъ, а я своихъ
друзей въ кофейномъ домѣ.

— Такъ почемужъ намъ не назна-
чить часъ обѣда? . . .

— Вотъ это дѣло! . . . сказалъ
Гобсекъ. Послѣ разъѣзда съ Биржи, въ
пясть часовъ. . . . И такъ, я буду при-
ходить къ вамъ по середамъ и по суб-
ботамъ. Мы будемъ говорить о на-
шихъ дѣлахъ по дружески. . . . Уви-
дите, что и я бываю иногда веселъ,
когда стоишь передо мною жареная
куропатка и бокаль шампанскаго.

— Не постою за куродапку и за бокаль шампанскаго!.....

— О! не пускайшесь въ моповство, вы потеряете мою довѣренность. Не живите большимъ домомъ. Возмите старую ключницу! Я желаю васъ посѣщать единственно для того, чтобы освѣдомляясь о вашемъ здоровьи и о дѣлахъ..... Ну? — Приходите сегодня ко мнѣ съ вашимъ спряччимъ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ, и не сочтите его нескромнымъ, сказалъ я малорослому спарику выходя за порогъ, какую вы имѣли надобность въ моемъ свидѣтельствѣ о рожденіи?.....

Г. Гобсекъ пожалъ плечами, и отвѣчалъ мнѣ съ хитрою улыбкою:

— Какъ молодость безразсудна!.... Знайте, господишь спряччій, что до предцапилѣтняго возраста, честность и дарованія могутъ еще слу-

жизнь, некоторымъ образомъ, ручательствомъ; но послѣ этихъ лѣтъ, почти нельзя довѣрять человѣку.

И онъ заперъ свою дверь.

По прошествіи мѣсяца я былъ спряччимъ. Вскорѣ послѣ этого, я имѣлъ счастье, сударыня, взяться за ваше дѣло, касательно возвращенія вамъ прежняго вашего имѣнія. Удачное окончаніе сего дѣла доставило мнѣ некоторую извѣстность; и менѣе нежели въ два года, несмотря на большіе проценны, которые я платилъ Г. Гобсеку, весь долгъ былъ очищенъ, и я приобрѣлъ довольно значительное состояніе. Тогда женился я на Фанни Малво. Мы чистосердечно любили другъ друга, и сходство нашей взаимной судьбы, занятій и успѣховъ, казалось, дѣлало еще болѣе прогательною, искренность нашихъ чувствованій.

Съ этого дня, жизнь моя протекала среди счастья и благосостоянія. И такъ, перестану говорить о себѣ; ибо, ничто не можетъ быть такъ несносно, какъ повѣспованіе счастливаго человека о его жизни.

Спусти мѣсяць послѣ того, какъ я снялъ контору спряпчато, меня принудили, почти насильно, быть на холостомъ завтракѣ. Сіе угощеніе было слѣдствіемъ програннаго заклада однимъ изъ моихъ товарищей, другому молодому человеку, который тогда славился въ модномъ свѣтѣ.

Этотъ жеманный франтъ пользовался большою извѣстностію. Онъ былъ цвѣтомъ тогдашняго *дандизма*. Ни на комъ лучше не сидѣлъ фракъ, ни кто, лучше его не правилъ *Тандемомъ*. Всѣ женщины отъ него сходили съ ума. Онъ былъ знапокъ въ лошадяхъ, въ шляпахъ, въ карнизахъ.

Испрачивалъ до ста тысячъ франковъ въ годъ ; между тѣмъ , по видимому , не имѣлъ ни помѣстья , ни ломбардныхъ билетовъ . Онъ имѣлъ особенный даръ играеть въ карты , ѣсть и пить съ большею ловкостію , нежели кто ни-будь .

Онъ былъ образцомъ спранспвующаго рыцарства нашихъ госпиныхъ , будуаровъ , гульбищъ ; онъ раздѣлялъ нѣкоторымъ образомъ свойства земноводныхъ живонныхъ , ибо иривычками походилъ сполько же на муцину , сколько и на женщину . Существо удивительное , онъ былъ способенъ ко всѣму и ни къ чему не годенъ ; всѣ опасались , и вмѣстѣ презирали его ; казалось , онъ зналъ все , а между тѣмъ былъ погруженъ въ невѣжество ; онъ споль же легко предпринималъ доброе дѣло , какъ и рѣшался на злодѣйство ; иног-

да подль, а иногда благородень; скорѣе покрытый грязью, чѣмъ кровью; озабоченный болѣе, нежели перзаемый угрызениями совѣсти; болѣе занянный пищевареніемъ желудка, чѣмъ мыслями; припвораясь что преданъ спраспямъ, онъ совсѣмъ не ощущалъ ихъ; онъ составлялъ какъ бы блестящее звено, которое могло соединить оспрогъ, съ высшимъ обществомъ. Однимъ словомъ, это былъ человекъ, принадлежащій къ тому сословію, одаренному въ высшей степени понятіями, изъ котораго иногда возникали Мирабо, Пинпъ, Ришельё; но чаще злодѣи, подобные Жеффи, Лобардемону и Коаньяру.

Мнѣ часто говорили объ этомъ человекѣ; но уже нѣсколько разъ я избѣгалъ опасной чести встрѣпиться съ нимъ. На сей же разъ товарищъ мой

пакъ убѣдительно упрашивалъ меня быть на его завтракъ, что я не могъ уклониться отъ сего приглашенія, дабы не сочли отказа моего *излишнимъ скромничествомъ*.

Трудно описать вамъ холостой завтракъ. Какое великолѣпіе и изысканности въ разсужденіи услуги и яствъ. Это роскошь, которую обнаруживаетъ, изъ пщеславія, скупецъ, желающій хопя на одинъ день блеснуть пышностію. Входя въ покои, приходишь въ удивленіе при видѣ порядка, въ какомъ находятся на столѣ блестящее серебро, крпспалмы, камчатное споловое бѣлье. Великолѣпіе удивительное. Тутъ жизнь въ полномъ ея цвѣтѣ. Молодые люди свѣжи, спрого наблюдаютъ приличія. Они улыбаются, и говорятъ между собою въ пол-голоса. Они походятъ на новобрачныхъ, и все вокругъ нихъ дышетъ

дѣвственностію. Но, спустя два часа, все превращается какъ бы въ поле сраженія, когда кончилось дѣло. Всюду разбитые стаканы, измятыя и изпопсанныя ногами салфетки; здѣсь и тамъ начатыя блюда, которыя опротивительно видѣть; оглушающій, неспрошенный шумъ голосовъ, забавныя посмы, бѣглый огонь эпиграммъ и пошлыхъ шутокъ, багряныя лица, блестящія глаза безъ всякой выразительности, невольно вырывающіяся шайны.

Посреди сего адскаго шума, иные разбиваютъ бумылки, другіе заводятъ пѣсни. Вызываютъ другъ друга на поединокъ. Тысяча различныхъ запаховъ, соединясь вмѣстѣ, образуютъ зловонную атмосферу; тысяча различныхъ голосовъ производятъ нестерпимый шумъ. Никто не знаетъ что ѣсть, пѣть и говорить. Одни пасмурны, другіе лепечутъ; эмотъ повторяетъ

одно и тоже слово, подобно колоколу, когда раскачали языкъ онаго, а пошъ хочешъ, чпобъ въ суматохѣ ему повиновались; благоразумнѣйшій изъ нихъ предлагаешъ начать попойку. Еслибы презвый человекъ вошелъ къ нимъ, то подумалъ бы, чпо видитъ передъ собою несповую Вакханалію.

Посреди сего разгрома, о которомъ невозможно дать вамъ вѣрнаго понятія, первенствующій на семь прру, изыскивалъ всѣ возможные способы, чпобы задобрить меня. Я сохранилъ почти обыкновенное свое хладнокровіе, а посему очень остерегался. Чпо касается до него, то хотя онъ и спарался припвориться не презвымъ, однакоже былъ въ совершенной памяти, и думалъ о своихъ дѣлахъ. И въ самомъ дѣлѣ, не знаю какъ это случилось, но выходя изъ гостинныхъ Гринь-

она, около девяти часовъ, я чувствовалъ, что онъ обворожилъ меня, и обѣщаніе, сопровождавъ его на другой день къ Г. Гобсеку, вырвалось у меня, почти невольно. Слова: честь, — добродѣтель, — Графиня, — честная женщина, — несчастіе, произнесенныя медовыми устами, нашли мѣсто въ его рѣчахъ, какъ бы волшебною силою. Проснувшись на другой день поутру, я старался вспомнить обѣщаніе, что было наканунѣ, и съ прудомъ могъ привести въ порядокъ свои мысли.

Наконецъ, сообразя все слышанное, я вспомнилъ, что въ опасности честное имя какой-то Графини, что она потеряетъ уваженіе и любовь ея мужа, если не доставитъ въ это самое утро около пятидесяти тысячъ франковъ. Дѣло также шло объ игрѣ, о счетахъ карелника, о проигранныхъ

деньгахъ въ лошпереею; и мой собесѣдникъ — обаятель, старался увѣрить меня въ томъ, что она довольна богата для того, дабы, при бережливости, въ немногіе годы поправить свое состояніе, которое теперь надлежало нѣсколько расширить.

Тогда только я началъ угадывать причину неопступныхъ прозбъ моего поварщика; но сознаюсь, къ стыду, что я въ то время, ни мало не подозрѣвалъ, сколько для моего обольстителя, поссорившагося съ Гобсекомъ, необходимо примириться съ нимъ.

Въ то самое время, какъ я вставалъ съ постели, молодой *fashionable* вошелъ ко мнѣ въ спальню.

— Г. Виконтъ, сказалъ я ему послѣ обыкновенныхъ взаимныхъ привѣтствій, я не вижу никакой надобности сопутствовать вамъ къ Г. Гобсеку. Нѣтъ капиталиста обходительнѣе,

совѣстнѣе его. Онъ вамъ дастъ въ займы денегъ, если теперь имѣешь, или, лучше сказать, если вы предъявишь ему надежныя ручательства.....

— Милоспивый государь, отвѣчалъ онъ мнѣ, я, конечно, и не думаю принуждать васъ оказать мнѣ услугу, не смотря на то, что имѣю ваше обѣщаніе. . . . .

— Сарданапаль, молвилъ я про себя, не дамъ же думать этому чловѣку, что я не сдержалъ слова!

— Вчера я имѣлъ честь уведомить васъ, что весьма не къ спашу поссорился съ Г. Гобсекомъ; и какъ въ Парижѣ, кромѣ его, весьма не много найдется такихъ людей, которые были бы въ состояніи, въ первое число мѣсяца, опциптанъ сто тысячъ франковъ; но я и просилъ васъ примирить меня съ симъ чловѣкомъ . . . . . Но перестанемъ объ этомъ и говорить.....

Онъ посмотрѣлъ на меня съ видомъ вѣжливо - обиднымъ, и хотѣлъ уже выпши, какъ я сказалъ ему:

— Я готовъ иппи съ вами.

Когда мы вѣхали въ улицу Гре, по молодой человекъ спалъ озирапсья вокругъ себя со вниманіемъ и безпокойствомъ, что меня удивило. Лице его спановилось багровымъ, краснѣло и желтѣло попеременно. Онъ, казалось, мучился, ибо капли пота выступили на чель его, когда завидѣлъ дверь дома Г. Гобсека.

Въ то время, какъ мы слѣзали съ шильбюри, извоищья карепа вѣхла въ улицу Гре. Соколиные глаза молодого человека замѣпили въ оной женщину, и выраженіе радости, почти дикой, оживило его лице. Онъ позвалъ мимоидущаго мальчика, и далъ ему держать свою лошадь.

Мы вошли къ старому скупцу.

— Батьюшка Гобсекъ , сказалъ я ему, я привелъ къ вамъ одного изъ самыхъ искреннихъ моихъ друзей . . . .

— Которому я доверяю столько же , сколько чорну , шепнулъ я спарку .

— По вашей снисходительности ко мнѣ , я надѣюсь , что вы не откажетесь услужить ему за обыкновенные проценты , и избавить его отъ бѣды . . . . .

— Если это согласно съ вашими выгодами . . . . .

Виконшъ слегка поклонился ростовщичу , сѣлъ , и приготовился слушать его , развѣсивъ съ свѣтскою ловкостію , выражающею пріятную низость , которой передать невозможно .

Гобсекъ во все это время сидѣлъ неподвижно на стулѣ у камина , съ видомъ совершеннаго безспрастія . Онъ походилъ на изваяніе Волпера , нахо-

дящееся подъ коллонадою Французскаго Театра, когда видишь оное въ сумерки. Онъ, вмѣсто поклона, приподнялъ немного свою сѣрую, изношенную фуражку, копорою прикрывалъ голову, и открывая симъ движеніемъ часть его желпаго черепа, довершала сходство его съ мраморомъ.

— У меня деньги только для пѣхъ людей, которые всегда имѣютъ дѣловыя сношенія со мною . . . . . сказалъ ростовщикъ.

— И такъ вы досадуете, ~~что~~ я промотался, имѣя дѣла не съ вами, а съ другими людьми, отвѣчалъ молодой человекъ съ улыбкою.

— Промотались? . . . . . возразилъ Гобсекъ съ проницательною усмѣшкою.

— Не возражьте ли вы на это, что невозможно разорить такого человека, у котораго нѣтъ ни одного обода? . . . . Но я ручаюсь, что вы въ

цѣломъ мірѣ не опыщете такого *капитала*, каковъ я? . . . . . воскликнулъ *fashionable*, вспавая со спула и поверпываясь на каблукахъ.

Ся полуважная шупка не сорвала улыбки съ успѣ Гобсека.

— Не доспавляю ли я вамъ собою богачѣйшаго испочника для вашей промышленности?

— Справедливо.

— Не обращаете ли вы меня, господа, такъ сказать, въ губку! Вы поощряете меня всѣми возможными средствами напипаться въ обществахъ; но и вы такія же губки, и въ вашу очередь, смерть будетъ давить васъ!....

— Быть можеть.

— Чпобы вы значили, еслибы не было моповъ? ибо мы съ вами: душа и тѣло.

— Такъ, ...

— Ну, дайте руку, старый Гобсекъ, помиримся...если все что я сказалъ: такъ, быть можетъ и справедливо.

— Вы обращаетесь ко мнѣ, отвѣчалъ съ холодностію росповщикъ, потому что у Жирарда, Пальмы, Вербруста и Жигонета набиты карманы вашими векселями. Они готовы опдашь оные, кому угодно, за половинную цѣну; но какъ, вѣроятно, они сами выдали вамъ только половину суммы пропивъ той, которая выспавлена, по сіи векселя не спююшь и четвертой доли. . . . .

— Слуга покорнѣйшій.

— Могу ли я, продолжалъ Гобсекъ, безъ зазрѣнія совѣсти, дать въ займы хотя одинъ оболь такому человѣку, который уже долженъ придцать тысячъ франковъ, а самъ не имѣетъ ни одной денежки. Тѣмъ болѣе, что претьяго дня, на балу у Г. Лафитта,

вы проиграли десять тысячъ франковъ.

— Милостивый государь, ошвѣчалъ молодой человекъ съ крайнею наглостию, подходилъ къ старику, мои дѣла до васъ не касаются. У кого срокъ впереди, тотъ правъ.

— Справедливо!

— Мои векселя будутъ уплачены.

— Быть можетъ!

— Теперь дѣло въ томъ, что если я вамъ предскажу доспапочные залогн на ту сумму, которую намѣренъ занять у васъ. . . . .

— Такъ.

Шумъ наемной каресы, которая въ эту минуту остановилась у воротъ, раздался въ комнату росповщика.

— Я пойду сей часъ за вещь, которая, можетъ быть удовлетворитъ васъ, сказалъ молодой человекъ громкимъ голосомъ.

Когда заемщикъ удаллся, Гобсекъ, вставая со стула и проспирая ко мнѣ руки, воскликнулъ: — О сынъ мой! . . . . ты возвращаешь мнѣ жизнь! . . . . я не пережилъ бы этаго. Вербрустъ и Жигонетъ хопъли проведи меня. . . . . Благодаря тебѣ, я посмѣюсь надъ ними сегодня же вечеромъ! . . . .

Радость старика имѣла въ себѣ нѣчто ужасное.

Въ первый разъ еще онъ изъяслялъ передо мною такую неумѣренную радость; но несмотря на кратковременность оной, она никогда не изгладилась изъ моей памяти.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, останьтесь здѣсь! . . . . прибавилъ онъ, ибо, хопя я имѣю оружія, и не дамъ промаху, однако же весьма не довѣрляю этому человѣку. . . . .

Послѣ сихъ словъ, онъ усѣлся въ креслахъ передъ своимъ бюро. Лице его сдѣлалось по прежнему блѣднымъ и спокойнымъ.

— Ого! возразилъ онъ повернувшись ко мнѣ, вѣроятно вы сей часъ увидите одну особу, объ которой я вамъ нѣкогда уже говорилъ; ибо, въ корридорѣ слышу женскую походку.

И въ самомъ дѣлѣ, молодой человекъ возвратился, ведя подъ руку даму, которая, казалось, имѣла около двадцати пяти или двадцати шести лѣтъ отъ роду. Она была прелесна собою, и мнѣ не трудно было узнать въ ней ту Графиню, объ которой Гобсекъ рассказывалъ мнѣ, описывая ея упрото послѣ бала.

Входя въ темную и сырую комнату ростовщика, она бросила недовѣрчивый взглядъ на Виконпа. Она была такъ прекрасна, что несмотря

на ея заблужденія, я сожалѣлъ о ней. Она страдала внутренно, и замѣтно было, что ужасная тоска волновала ея сердце. Благородныя и гордыя черты ея подернулись какимъ-то судорожнымъ выраженіемъ. Я, казалось, угадывалъ, что эпопѣ молодой чело-вѣкъ сдѣлался какъ бы ея злымъ гени-емъ. Я удивлялся Гобсеку, который, за три года, предъзналъ, по одному слову, шлодвиженію, выраженію голо-са, судьбу сихъ двухъ существъ.

— Вѣроятно, подумалъ я, онъ властвуетъ надъ нею, приводя въ дви-женіе всѣ возможныя пружины: щещ-славіе, ревность, удовольствія, свѣт-скую разсѣянность. Самыя добродѣ-тели сей женщины служатъ ему ору-діемъ пропивъ нея: онъ заславляетъ ее проливать слезы преданности; онъ превозноситъ въ ней великодушіе, свой-ственное ея полу; употребляетъ во

зло ея нѣжность; и дорого продаетъ ей преступныя удовольствія.

— Признаюсь вамъ, Кампла, сказалъ спрячій, обращаясь къ дѣвицѣ Гранльѣ, что если я не проливалъ слезъ объ участи сей несчастной, столь блистательной въ обществѣ и столь ужасной для тѣхъ, которые могли читать въ ея сердцахъ, то единственно потому, что претсталъ опъ омерзѣнiя, смотря на ея убійцу, на эшаго молодого человѣка, котораго чело было такъ непорочно, уста такъ свѣжи, улыбка такъ пріятна, зубы такъ бѣлы, шло такъ нѣжно, который, однимъ словомъ, походилъ на ангела.

Въ сію минуту они оба стояли передъ своимъ судьей, спрогимъ и холоднымъ, который испытующимъ взоромъ смотрѣлъ на нихъ, подобно тому, какъ старый Доминиканецъ XVI-го столѣтiя, смотрѣлъ на пытки двухъ

Мавровъ , въ глубинѣ подземелій Священнаго Судилица.

— Государь мой , сказала она дрожащимъ голосомъ , еспѣ ли возможность получить опѣ васъ ту сумму , которой спокутъ сіи бриліанты ....

Она подала ему ящичекъ .

Предоставляя себѣ право выкупить оныя? . . . .

— Да , сударыня , отвѣчалъ я , эпо мы называемъ заложить . . . . . Какое нибудь движимое или недвижимое имѣніе , кому нибудь уступають или передають на опредѣленный срокъ , по прошествіи котораго , уплативъ условленную сумму , можно опять вступитъ во владѣніе собственностію .

Она начала дышать свободнѣе .

Виконтъ нахмурилъ брови , ибо онъ предвидѣлъ , что ростовщикъ въ семъ случаѣ дастъ меньшую сумму за бриліанты , цѣнность которыхъ под-

вержена весьма непостояннымъ возвышеніямъ и пониженіямъ.

Гобсекъ былъ неподвиженъ. Взявъ свое увеличительное стекло, онъ въ молчаніи разсматривалъ бриліанты.

Если проживу сто лѣтъ, то и тогда не забуду удивительнаго выраженія его лица. На блѣдныхъ его щекахъ заиграла краска. Сверхъ-естественный огонь блисталъ въ его глазахъ. Онъ вспалъ, подошелъ къ окну и держалъ бриліанты около своего рта, лишеннаго зубовъ, какъ бы жедая пожрать сіи драгоценные камни. Блескъ оныхъ, казалось, отражался въ его глазахъ. Опрывистыя слова вырывались у него по временамъ. Онъ вынималъ поспешенно браслеты, серьги, ожерелья, діадемы, и подносилъ ихъ къ свѣту, чшобы лучше судить объ ихъ водѣ, чистотѣ, грани. Онъ доставалъ ихъ изъ ящика, укладывалъ,

опять вынималъ , поворачивалъ во
всѣ стороны , чтобы видѣть ихъ
игру , и походилъ болѣе на ребенка,
чѣмъ на спарика, или , точнѣе , былъ
ребенкомъ и спарикомъ въ одно время.

— Славные бриліанты! — До рево-
люціи они стоили бы трехъ сотъ
тысячъ франковъ. — Какая вода! сла-
вные бриліанты! — Знаете ли чего
они спюють? . . . . Нѣтъ , нѣтъ , въ
цѣломъ Парижѣ одинъ Гобсекъ мо-
жетъ оцѣнить ихъ. . . . . Даже еще
при Императорѣ , двухъ сотъ тысячъ
не доспало бы на пріобрѣтеніе та-
кихъ вещей. . . . .

Онъ усмѣхнулся съ пренебрежені-
емъ , и прибавилъ :

— Теперь цѣна на бриліанты по-
нижается съ каждымъ днемъ ! . . . .

— Бразилія , Азія , множество дос-
тавляютъ намъ послѣ мира . . . . .

— Ихъ носятъ только при Дворѣ . . . .

Но прознося сіи ужасныя для Графини слова, онъ съ неизъяснимою радостію разсмапривалъ одинъ камень послѣ другаго.

— Безъ пяшенъ. — Вопъ пяшно.
— Вопъ прещина. — Славный бри-
ліантъ. . . . .

И его блѣдное лице такъ ярко освѣщалось огнемъ сихъ камней, что я сравнивалъ его съ шѣми старыми, зеленоватыми зеркалами, которыя висѣтъ въ пракпиряхъ опдаленныхъ провинцій, и которыя лицу путешественника, имѣющаго довольно духу, чтобы посмопрѣться въ нихъ, придаютъ цвѣтъ челоуѣка, получающаго ударъ паралича.

— Ну, что же? сказалъ Виконтъ, ударивъ по плечу Гобсека.

Младенчеспвующій спарикъ вздрогнулъ. Онъ поставилъ свои игрушки на бюро, сѣлъ, сдѣлался оняпъ ростов-

щикомъ , и превратился во прежнему въ мраморный столбъ, твердый, холодный, безчувственный.

— Сколько вамъ надобно денегъ?

— Сто тысячъ франковъ, на три года. . . . .

— Возможно !

Попомъ онъ вынулъ изъ ящика, красного дерева, вѣсы, неоцѣненные по ихъ вѣрности, которые онъ берегъ какъ сокровище. Онъ взвѣсилъ камни, и глазомѣрно опредѣлилъ (Богъ вѣсть какъ!) вѣсъ оправы. Въ продолженіи сего дѣйствія, лице Гобсека попеременно выражало то радость, то суровость. Мерзвый цвѣтъ онаго, при блескѣ сихъ камней, имѣлъ что - то ужасное.

Графиня стояла неподвижно, и была въ какомъ-то оцѣпененіи, которое нѣкоторымъ образомъ примиряло меня съ нею. Мнѣ казалось, что она

понимала всѣ ужасы пропасти, къ которой стремилась. Въ душѣ сей женщины еще не умерли угрызения совѣсти, и, можетъ быть, одного усмія, одной руки, проплетушой съ состраданіемъ, достапочно бѣ было, чтобы спасти ее. — Я рѣшился бытъ ея избавишемъ, если еще не поздно.

— Бриліанты сіи принадлежатъ вамъ, сударыня? . . . спросилъ я спокойнымъ голосомъ.

Она содрогнулась.

— Да, сударь . . . . отвѣчала она, бросивъ на меня гордый взглядъ.

— Не угодно ли вамъ написать закладную? сказалъ мнѣ Гобсекъ, вспавая и предлагая свое мѣсто у бюро.

— Вы, сударыня, вѣроятно замужемъ? . . . . спросилъ я.

Она съ живоспїю наклонила голову.

— Я не сдѣлаю акша! . . . . вскричалъ я.

— А почему? . . . . сказалъ Гобсекъ.

— Почему? возразилъ я, опвводя спарика ко впадинѣ окна, и говоря ему въ пол-голоса; она зависить отъ мужа. Закладная будетъ недѣйствительна, и вамъ нельзя будетъ опговариваться незнаніемъ ея опношеній. Въ актѣ будетъ упомянуто, что. . . .

Гобсекъ прервалъ меня, сдѣлавъ знакъ головою, и обратившись къ виновной чепѣ, сказалъ имъ глухимъ и вмѣстѣ пискливымъ голосомъ:

— Восемьдесятъ тысячъ франковъ наличными деньгами, и брилліанты мои! . . . .

— Но . . . . возразилъ молодой человекъ.

— Или да, или нѣтъ, сказалъ Гобсекъ, возвращая Графинѣ ящичекъ.

Я нагнулся къ ней и шепнулъ на ухо:

— Бросьпесь лучше къ ногамъ ва-
шего мужа! . . . .

Росповѣщикъ вѣроятно понялъ сло-
ва мои, по движенію губъ, и бросилъ
на меня взглядъ, выражавшій нѣчто
адское.

Лице молодого челоуѣка, посидѣло,
потому что нервничельность Графи-
ни была очевидна. Онъ подошелъ къ
ней, и хопя говорилъ очень тихо, но
я услыхалъ слова его:

— Прощай, Емилія, будь счастли-
ва! Что касается до меня, то завтра
уже не буду имѣть никакихъ заботъ.

— Милоспивый государь, вскрича-
ла молодая женщина, обращаясь къ
Гобсеку, я соглашаюсь на ваше пред-
ложеніе.

— Признапсья! . . . отвѣчалъ спа-
рикъ, съ вами не такъ-то легко по-
ладить, сударыня.

Онъ подписалъ вексель въ плъде-

сятъ тысячъ франковъ, плащимый по предъявленіи въ Банкъ, и вручилъ оный Графинъ.

— Теперь, сударыня, сказалъ онъ съ усмѣшкою, довольно похожею на Волперову, я дополню условленную между нами сумму, векселями на тридцать тысячъ франковъ, которыхъ дѣйствительность вы конечно не спанете отрицать. Ихъ достоинство также неспоримо, какъ и достоинство чистаго золота.

И онъ отдалъ Графинъ нѣсколько векселей, подписанныхъ Виконтомъ, наканунѣ пропестованныхъ, вѣроятно по требованію того изъ товарищей Росповщика, который продалъ ему оныя за весьма низкую цѣну.

На лицѣ молодаго чловѣка выразилось что-то звѣрское, и онъ съ яростию вскричалъ:

— Старый плусть! . . . .

Гобсекъ не дрогнулъ ни мало; но вынулъ изъ ящика два пистолета, и обращаясь къ Виконпу сказалъ съ хладнокровіемъ:

— Такъ какъ я обиженъ, то спрѣмлю первый . . . .

— Вы должны извиниться передъ Г. Гобсекомъ? . . . . воскликнула пренециющая Графиня.

— Я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ . . . . проговорилъ молодой человекъ.

— Я это весьма хорошо знаю, отвѣчалъ Гобсекъ съ покойнымъ видомъ, вы только имѣли намѣреніе не уплатить по вашимъ векселямъ.

Графиня вспала, и скрылась волнуемая вѣрояпно сильнымъ ужасомъ. Виконпъ послѣдовалъ за нею, но выходя, сказалъ, относясь къ Гобсеку и ко мнѣ:

— Если вырвется у васъ хотя одно нескромное слово, то прольется или ваша кровь, или моя.

— Аминь! . . . . опвѣчалъ Гобсекъ, укладывая въ ящикъ свои пистолепы.

Лишь только уѣхали карены, и воропа были запершы, онъ вспалъ, и прыгая опъ радости, повпорялъ какъ безумный:

— У меня бриліанты! . . . . у меня бриліанты . . . . славные бриліанты! . . . . что-за бриліанты! . . . . и не дорого . . . . Ага! Вербрусъ и Жигонетъ, вы думали что проведете стараго Гобсека! . . . . Нѣтъ! поучи-тесь у меня! . . . . Какъ они выпу-чаютъ глаза сегодня вечеромъ, когда за игрою въ домино, я имъ расскажу что случилось упромъ.

Эта мрачная радость, эта лю-пость дикарей, возбуждаемая облада-ніемъ нѣсколькими бѣлыми камешками,

заспавили меня содрогнувшись. Я безмолствовалъ, и былъ въ изумленіи.

— Ага, ты здѣсь, пріятель. Мы пообѣдаемъ вмѣстѣ; повеселимся . . . . хопь у тебя, напимѣрь; ибо я не живу хозяйствомъ, а эпи содержатели ресторацій; мнѣ кажется, своими похлѣбками, соусами и винами, справили бы самага чорта.

Выраженіе моего лица, вдругъ возвратило ему привычную холодность безснрастія.

— Вы какъ будто-бы, не совсѣмъ одного мнѣнія со мною! молвилъ онъ мнѣ, садясь возлѣ камина.

Онъ поспавилъ жестяную коспірюльку съ молокомъ на канфорку, и сказалъ:

— Хопише позавтракать со мною? можеть бышь спанеть и на двонхъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ я, я завтракаю всегда въ полдень.

Въ сію минушу, скорые шаги раз-
дались по корридору, и кто-то оспа-
новившись у дверей комнаты Гобсека
спучалъ, по видимому, съ большимъ
неперѣвнїемъ. Эти удары отзывались,
такъ сказать, какою-то яростию. Ро-
сповщикъ вспалъ съ своего мѣста, по-
дошелъ къ дверному окошечку, и от-
ворилъ двери.

Человѣкъ, около тридцати - пяти
лѣтъ отъ роду, вошелъ въ комнату.

Онъ имѣлъ (простите выраженіе)
аристократическую осанку людей,
живущихъ въ Сен-Жерменскомъ пред-
мѣстьи, и занимающихъ почетныя
мѣста. Одежда была на немъ простая,
и онъ немного походилъ на покойна-
го Герцога Ришельё. Привычнымъ вы-
раженіемъ его лица была нѣкоторая
тайная печаль, но теперь, оно свидѣ-
тельствовало о сильномъ раздраженіи.

— Милосливый государь, сказалъ онъ, обращаясь къ Г. Гобсеку, который принялъ на себя видъ совершеннаго спокойствія, моя жена только что вышла отсюда?

— Быть можетъ.

— Ну! государь мой?

— Ну!

— Или вы не понимаете меня? . . .

— Я не имѣю чести знать вашей супруги . . . . опивчалъ Росповщикъ. Сегодня упрямъ у меня много перебывало женщинъ, мужчинъ . . . . и мнѣ бы весьма было трудно . . . .

— Обищяки не у мѣсна, сударь; я говорю о той женщинѣ, которая въ сію минушу была у васъ.

— Могу ли я знать что она ваша жена? . . . спросилъ Росповщикъ, Я никогда не имѣлъ удовольствія видѣть васъ.

— Вы ошибаетесь, Г. Гобсекъ,

сказалъ незнакомецъ, съ горькою усмѣшкою. Мы встрѣпились однажды у яромъ, у моеѣ жены. Вы приходили тогда прѣбовать уплаты по обязательству, ею подписанному, хотя долгъ сей не касался до нея.

— Мое ли было дѣло развѣдывать какія обспоятельства побудили вашу супругу подписать вексель? . . . возразилъ Гобсекъ, бросивъ на Графа хитрый взглядъ. — Вексель былъ переданъ мнѣ однимъ изъ моихъ поварихъ.

Впрочемъ, милостивый государь, сказалъ капиталистъ съ хладнокровіемъ и съ обыкновенною разстановкою, между пѣмъ какъ наливалъ себѣ кофе въ чашку съ молокомъ, вы позволите мнѣ замѣнить вамъ, что не совсемъ доказано, чтобы вы имѣли право дѣлать мнѣ выговоры у меня въ домѣ. Я, сударь, совершеннолъпень.

— Государь мой, вы купили за безцѣнокъ бриліанты. которые не принадлежали моей женѣ. — Эти бриліанты — собственность нашего семейства.

— Хотя я и не считаю себя обязаннымъ, Графъ, давать вамъ отчетъ въ моихъ дѣлахъ, но скажу вамъ, что если ваша супруга взяла у васъ бриліанты безъ вашего согласія, то вамъ бы надлежало немедленно уведомить всѣхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Парижѣ, чтобъ они не покупали ихъ, ибо Графиня могла продать ихъ по одиночкѣ.

— Милостивый государь! вскричалъ Графъ, вы знали мою жену? . . . .

— Справедливо!

— Она зависить отъ мужа.

— Быть можешь!

— Она не имѣла права располагать сими бриліантами . . . .

— Такъ.

— Ну! государь мой . . . . .

— Ну! гоеударь мой, я знаю вашу жену, она зависить отъ мужа, но я не знаю вашихъ бриліантовъ; и, какъ Графиня подписываетъ векселя, по можете производить торгъ, и покупать бриліанты . . . .

— Прощайте, сударь! вскричалъ Графъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, еснъ законы! . . . .

— Справедливо!

— Еснъ свидѣтель продажи, прибавилъ онъ, указывая на меня.

— Быть можетъ.

Графъ собирался выйти, когда, чувствуя всю важность этого дела, я рѣшился быть посредникомъ между двумя враждующими сторонами. —

— Вы правы, сказалъ я, относясь къ Графу, но и Г. Гобсекъ также совершенно правъ. Вы не можете

преслѣдовать законнымъ порядкомъ покушника, не заводя тяжбы съ вашею женою, и тогда гнусность такого дѣла, не падеть на одну только Графиню.

Я адвокатъ, и долженъ объявить вамъ, болѣе изъ чувства собственнаго своего достоинства, чѣмъ по обязанности, что брилліанты, о которыхъ вы говорите, были куплены Г. Гобсекомъ при моихъ глазахъ. Но я думаю, что было бы нѣсколько опрометчиво съ вашей стороны, оспаривать дѣйствительность сей продажи. Г. Гобсекъ, человекъ слишкомъ честныхъ правилъ, чтобы не согласился въ томъ, что она совершилась въ его пользу; совѣсть и долгъ вынуждаютъ меня упомянуть объ этомъ обстоятельстве . . . . Если же затѣете тяжбу, Графъ, то успехъ оной весьма сомнителенъ. Но вы можете кон-

чишь дѣло любовною сдѣлкой съ Г. Гобсекомъ, условившись на выкупъ бриліантовъ въ печеніи семи или осьми мѣсячнаго, или даже годоваго срока, въ продолженіи котораго, вы будете въ состояніи уплатить сумму, занятую вашею супругою.

Росповѣцкѣ обмакивалъ хлѣбъ въ кофе, и ѣлъ оный съ совершеннымъ равнодушіемъ; но когда услышалъ слова *выкупъ* и *мировая сдѣлка*, то посмотрѣвъ на меня съ видомъ, какъ бы желалъ сказать:

— Молодецъ! какъ ему идутъ въ прокъ мои уроки.

Я же опивчалъ ему такимъ взглядомъ, который онъ весьма хорошо понималъ. И дѣйствительно, успѣхъ этого безчестнаго дѣла былъ весьма сомнителенъ; и необходимо было скорѣе кончить оное любовною сдѣлкой. Еслибы я сказалъ всю правду Г. Гоб-

секу, то ояъ не нашель бы опроверженій на моп слова. . . . .

Графъ поблагодариль меня доброжелательною улыбкою.

Послѣ продолжительнаго пренія, въ которомъ искусство и корыстолюбіе Гобсека могли бы провести опынѣйшихъ дипломаповъ, я написалъ договоръ о выкупѣ бриліанповъ, въ которомъ Графъ свидѣтельспвовалъ, что получилъ девяносто тысячъ франковъ, за вычетомъ процентовъ; по уплатѣ же сей суммы, Г. Гобсекъ обязывался возвратить бриліанпы Графу, на что былъ назначенъ годовой срокъ, считая со дня совершенія акпа. Въ случаѣ просрочки, ящичекъ съ драгоценными каменьями оставался собственностію ростовщика.

— Какое раззореніе. . . . . вскричалъ Графъ, подписывая договоръ. И какъ перешагнуль эту бездну? . . . .

— Милоспивый государь, спросилъ важнымъ голосомъ Гобсекъ, у васъ много дѣшей? . . . .

Сей вопросъ заставилъ Графа содрогнуться; сими словами росповщикъ, подобно искусному врачу, какъ бы прикоснулся вдругъ къ больному мѣсту.

Мужъ не отвѣчалъ ни слова.

— И такъ, возразилъ Гобсекъ, угадывая причину горестнаго молчанія Графа, я знаю наизусть все дѣло. Ваша жена — демонъ; вы ее любите не смотря на ея заблужденія: и потому легко повѣрите, ибо я самъ былъ пропунъ ея видомъ. . . . . Но вы желаете спасти ваше имущество, и оставите оное одному изъ вашихъ дѣшей или двумъ. . . . . Бросьтесь въ вихрь свѣта, играйте въ каршы, покажите видъ (будто промотали ваше имѣнiе, прѣзжайте почаще къ Гобсеку; ска-

жуть что я причиною вашего разоренія. . . . наплевать на это. . . .
А между тѣмъ , если возможно , пришлите себѣ такого друга , на имя котораго вы бы могли учинить ложную продажу вашего имѣнія. . . .

— Не называется ли это у васъ тайнымъ завѣщаніемъ? . . . . спросилъ онъ , обращаясь ко мнѣ.

Графъ , казалось , былъ погруженъ въ глубокую задумчивость ; онъ приспился съ нами , и вышелъ.

— Онъ , кажется , глупъ , какъ честный человекъ? хладнокровно сказалъ мнѣ Гобсекъ , когда Графъ удалился.

— Скажите лучше , глупъ какъ человекъ , исполненный спраспей. . . .

Росповщикъ покачалъ головою.

— Графъ долженъ вамъ за совершение договора. . . . воскликнулъ онъ , когда я собирался уходить.

— Спусти нѣкоторое время послѣ сей сцены, которая посвятила меня въ ужасныя тайны жизни молодой женщины, однимъ упромъ вошелъ Графъ въ мой кабинетъ. Онъ былъ очень печаленъ, примѣшнымъ образомъ перемѣнился и постарѣлъ.

— Милоспивый государь, сказалъ онъ мнѣ, я пришелъ посовѣповаться съ вами о весьма важномъ для меня дѣлѣ, и объявляю, что имѣю къ вамъ довѣренность неограниченную, какъ вы увидите сами. Вангъ допущокъ съ Г-жею Гранльё (вы видите, сударыня, сказалъ Вконшессъ спряпчій, что я уже тысячу разъ получилъ отъ васъ возмездіе за самое обыкновенное дѣло), выше всякой похвалы.

Я почтительно поклонился, и отвѣчалъ, что исполнилъ только долгъ честнаго человѣка.

— И такъ, государь мой! Я много развѣдывалъ объ эпомъ спраннымъ чловѣкъ, копорому вы одолжены вашимъ мѣспомъ. Изъ всего слышаннаго мною о немъ, я заключаю, что онъ философъ, цѣнической секпы. Но какое вы имѣете мнѣніе о его честности? . . . . .

— Г-нъ Гобсекъ, отвѣчалъ я Графу, мой благодаритель — по пятнадцати проценповъ со спа! прибавилъ я улыбнувшись. Но скупость его, не будетъ служить мнѣ предлогомъ описывать его съ точностію, для выгоды незнакомаго мнѣ лица.

— О, говорите, сударь? — Ваша опкровенность не можетъ причинить вреда ни Г-ну Гобсеку, ни вамъ; ибо я нисколько не воображаю, что могу найти въ заимодавцѣ, ангела.

— Г. Гобсекъ, возразилъ я, придерживается всегда одного правила, по

которому, располагаетъ всѣ свои поступки. По его убѣжденію, деньги суть товаръ, который можно, безъ зазрѣнія совѣсти, продавать дорого или дешево, смотря потому, рѣдокъ ли оный или нѣтъ. Капиталистъ, въ его глазахъ, есть такой человекъ, который, давая въ заемъ суммы по большимъ процентамъ, участвуешь въ прибыльныхъ предпріятіяхъ и оборотахъ. За исключеніемъ сихъ правилъ по финансовымъ дѣламъ и философическихъ наблюденій о естествѣ человека, которыя дозволяютъ ему поступать какъ ростовщику, я твердо увѣренъ, что во всѣхъ другихъ дѣлахъ, онъ самый честный и совѣстный человекъ въ Парижѣ. Въ немъ, такъ сказать, два различныя лица: онъ скупъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ философъ, онъ малъ и великъ. Еслибы, умирая, я осматривалъ дѣшей, то его

назначилъ бы опекуномъ. Вотъ , милоспивый государь, какимъ опытноспь моя предспавила мнѣ Гобсека. Я ничего не знаю о его прежней жизни. Онъ , можетъ бытъ , былъ морскимъ разбойникомъ , можетъ спаться объѣхалъ Азію и Африку торгуя бриліантами и неграми ; но клянусь , что онъ испытанной честности.

— И такъ , я рѣшаюсь , сказалъ мнѣ Графъ. Покорнѣйше прошу васъ написать всѣ нужныя бумаги , для обращенія моего имѣнія въ собственностъ Г. Гобсека. . . . Я безусловно полагаюсь на васъ въ разсужденіи совершенія акта , въ копоромъ Г. Гобсекъ засвидѣтельспвуетъ , что эта продажа есть ложная , и копорымъ онъ обяжетъ себя передать мое имущество старшему моему сыну , по наступленіи его совершеннолѣтія. Теперь , милоспивый государь , признаюсь

вамъ , что опасаясь хранить у себя эпюпъ актъ , а также и опдапъ оный сыну , по причинъ нѣжной его привязанности къ матери . Смыю ли просить васъ бытъ хранипелемъ сего акта? Въ случаѣ смерти Г. Гобсека, онъ обѣщаль мнѣ , передать вамъ мое имѣнiе, по завѣщанiю . И такъ вы видите что я все предвидѣлъ .

Графъ вздрогнулъ , и казалось бытъ въ сильномъ волненiи .

— Ради Бога, извините меня, милостивый государь ; сказалъ онъ мнѣ послѣ нѣкотораго молчанiя , я очень спрадаю, и худое состоянiе моего здоровья сильно превожитъ меня . Недавнiя оторченiя чрезвычайно разстроили мой смысл . Они-то и побуждають меня взять это рѣшипельное намѣренiе, по совѣту вашего стараго друга .

— Позвольте, Графъ , прежде всего поблагодарить васъ за вашу довѣ-

ренность ко мнѣ. Но, принимая такія мѣры, вы совершенно лишаете наследства вашихъ другихъ. . . . . дѣтей. Они носятъ вашу фамилію, и хотя бы даже они были только дѣти женщины, которую вы любили, и въ такомъ случаѣ имѣютъ нѣкоторое право на вашу благопвѣрительность. Посему, долженъ объявить вамъ, что я не могу принять предложенія, которыми вы почтили меня, если будущая участь ихъ не будетъ обезпечена.

Сія слова сильно потрясли Графа. Слезы навернулись на его глазахъ; онъ пожалъ мнѣ руку, и сказалъ :

— Я не совсѣмъ еще зналъ васъ!.... Сказанное вами причиняетъ мнѣ столько же удовольствія, сколько и огорченія. Въ актѣ, который будетъ храниться у васъ, я назначу другимъ дѣтямъ ихъ часть въ наследствѣ.

Онъ вышелъ , и я замѣнилъ , проводивъ его до порога , что лице его прояснилось.

— Вы видите, Камилла! какіе разительные уроки въ семь, еще неоконченномъ, повѣспованіи для пѣхъ молодыхъ женщинъ, которыя такъ легкомысленно, думаютъ переплыть чрезъ пучину, внимая самонадѣянному голосу щеславія, гордоспи, или вѣря улыбка, иногда же опъ безразсудности или въпренности. Спыдъ, Угрызеніе Совѣсти, Бѣдствіе, вопъ при Фуриі которыя необходимо, рано или поздно, овладѣютъ ими. Иногда кадрили, пропѣшая арія, прогулка бываетъ причиною ужаснаго несчастія. . . . .

— Сонъ очень нуженъ для моей бѣдной Камиллы, сказала Виконшесса. Спупай, милая дочь, спупай отдохнупь, пвои глазки смыкаются. Для ея сердца не нужны страшныя кар-

шны, чтобы оно оспалось непорочнымъ и добродѣтельнымъ, и окончаніе вашего повѣспованія услышу я одна, спарая мать, копорой слухъ почти неразборчивѣе слуха мушны.

Дѣвица Камилла Гранльѣ, поняла намѣреніе матери, и вышла.

— Вы нѣсколько преспунили границы, любезный Эмилъ, молвила Виконесса.

— Но въ газетахъ въ тысячу разъ болѣе. . . . .

— Бѣдный Эмилъ, сказала Виконесса, перебивая спряпчато, я узнаю васъ въ этомъ! . . . . Неужели вы думаете, что дочь моя читаетъ журналы? . . . .

— Продолжайте! . . . . прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія.

С М Е Р Т Ъ М У Ж А .

Уже прошло при мѣсяца послѣ утвержденія продажи, произведенной съ согласія Графа, въ пользу Гобсека. . . . .

— Вы можете называть Графа Ресто, потому что дочери моей уже нѣтъ здѣсь! сказала Виконтесса, прерывая повѣствователя.

— Пожалуй! сказалъ спрячій. И такъ, уже прошло при мѣсяца, а я не получалъ еще отъ Графа акта, уничтожающаго сію продажу, который долженъ былъ храниться у меня.

Въ одинъ день, когда ростовщикъ обѣдалъ у меня, я спросилъ его, вставая изъ за стола, не знаетъ ли онъ, почему, до сихъ поръ, ничего не слышать объ Г. Ресто.

— На это есть весьма основательная причина, ошвѣчалъ онъ мнѣ. Графъ при смерти. Онъ имѣетъ нѣжную душу. А тѣ, которые не умѣютъ убить горестнаго, всегда бывають убиты ею. Жизнь есть трудъ, ремесло, и изучить оную не такъ-то легко. Когда человекъ позналъ жизнь, испытавъ различныя ея печали, то нервы его пріобрѣтають нѣкоторую гибкость, и онъ можетъ управлять своею чувствительностію.

Я предоставилъ Гобсеку разсуждать по своему, и извинился тѣмъ, что имѣю дѣло, не терпящее отлагательства. Мы разошлись.

Я поспѣшно пришелъ въ улицу Гелдеръ. Меня ввелъ въ гостиную, въ которой Графиня играла съ двумя малюпками: мальчикомъ и дѣвочкою. Когда ей доложили обо мнѣ, она вспала съ неудовольствіемъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу, и сѣла, не говоря ни слова, и указывая мнѣ рукою на пустое кресло возлѣ камина. Когда я смотрѣлъ на нее, то лице ея принимало выраженіе совершеннаго равнодушія, подѣ непроницаемою личиною коего, свѣтскія женщины шакъ искусно умѣютъ скрывать свои слабости. Она уже очень перемѣнилась. Ея лице поблекло отъ горести, и только очаровательныя черты онаго, свидѣтельствующія о прежней красотѣ ея.

— Мнѣ, сударыня, необходимо переговорить съ Графомъ . . . .

— Если вы въ томъ успѣете, то къ вамъ будушь благосклоннѣе, неже-

ли ко мнѣ . . . . опвѣчала она, перебивая меня. Г. Респо никого не принимаетъ. Онъ едва позволяеть своему доктору навѣщать себя. — Онъ даже отвергаетъ мои попеченія . . . . У больныхъ всегда такія спранныя причуды! . . . . Они, подобно дѣтямъ, сами не знаютъ, чего хотятъ. . . .

— Можетъ быть они, подобно дѣтямъ, очень хорошо знаютъ, чего хотятъ . . . .

Графиня покраснѣла.

Я почти раскаивался, что опвѣтъ сей, достойный Гобсека, вырвался у меня.

— Но, сударыня, продолжалъ я дабы переменить разговоръ, не возможно, чтобы Г. Респо былъ вѣчно одинъ.

— Старшій сынъ при немъ, и только его услуги онъ принимаетъ съ удовольствіемъ.

На сей разъ, сколько я ни смотрѣлъ на Графиню, она не покраснѣла болѣе, и мнѣ казалось, что она приняла твердое намѣреніе не допустить меня проникнуть въ ея тайны.

— Я надѣюсь, сударыня, возразилъ я, что вы не сочтете поступка моего нескромнымъ . . . . Весьма важныя выгоды для вашего мужа побудили меня къ оному . . . .

Я закурилъ себѣ губы, пбо чувствовалъ что попалъ на ложную спелю. Да и Графиня, въ ту же мигу, воспользовалась моею опрометчивостью.

— Мои выгоды нераздѣльны съ выгодами моего мужа, милостивый государь, сказала она, и ничто не препятствуетъ вамъ обратиться ко мнѣ . . . .

— Дѣло, которое привело меня сюда, касается одного Графа! . . . оп-вѣчалъ я съ твердоспiю.

— Я прикажу уведомить мужа, возразила она, о вашемъ желанiи видѣть его.

Учпивый понь, и видѣ съ копо-рымъ она произнесла сiи слова, не обманули меня. Я угадалъ, что она ни-когда не допуспитъ меня къ своему мужу. Нѣсколько времени я разгова-ривалъ съ нею о дѣлахъ постороннихъ, чтобы имѣть возможность наблюдать за нею.

Мнѣ казалось, что съ того дня, въ который она прiѣзжала къ Гебеку продавать брилiанты, ея злой генiй совершенно низринулъ ее въ бездну. Она умѣла притворствоватъ съ нѣмъ рѣдкимъ совершенствомъ, которое пзобличаетъ въ женщинахъ высшую степень вѣроломства. Дерзну ли ска-

заявъ, что я считалъ ее способною ко всему, и сіе опасеніе я основывалъ только на ея пѣлодвиженіяхъ, взорахъ, приемахъ и звукѣ ея голоса. Я оспаривалъ ее.

Теперь я опишу вамъ окончаніе сего приключенія, присовокупя къ оному и пѣ обспояпельспва, копорыя я узналъ послѣ и подробности, опкрытыя пронцапельностью Гобсека и моею.

Съ той минутой, въ копорую Графъ, казалось, принялъ намѣреніе броситься въ вихрь удовольствій и показывалъ видъ, будто распочаетъ свое имѣніе, между двумя супругами происходили ссоры, тайна коихъ не проницаема; но онъ подали поводъ Графу еще неблагопріятнѣе, чѣмъ до тѣхъ поръ, судить о своей женѣ. Когда онъ сдѣлался боленъ и принужденъ былъ лечь въ постель, то обна-

ружилъ спѣшное отвращеніе къ Графинѣ и къ своимъ двумъ послѣднимъ дѣшямъ. Онъ запретилъ имъ входить въ свою комнату, и когда они пыпались пресупить сіе запрещеніе, то непослушаніе ихъ причинило Г. Ресто спомъ опасныя припадки, что докторъ умолялъ Графиню, не нарушать приказаній ея мужа.

Г-жа Ресто, видя, что земли, родовыя помѣстья и даже домъ, въ которомъ она жила, поспешенно переходя въ руки ужаснаго Гобсека, который, казалось, осущесствлялъ, въ отношеніи къ ихъ состоянію, вымышленное лице всепожирющаго чудовища, поняла безъ сомнѣнія намѣреніе своего мужа.

Хотя Вьконъ былъ человекъ хитрый, но несмотря на сіе, ему невозможно было уведомить Графиню о тайныхъ предосторожностяхъ, копо-

ршия я присовѣтовалъ Г. Респю, такъ что предположенія двухъ соумышленниковъ, не могли не быть ошибочными. Графиня думала, что мужъ ея обратилъ въ наличныя деньги все свое имѣнiе, и что сумма, вырученная за оное, хранилась или у какого нибудь попаріуса, или въ Банкѣ. Основываясь на сихъ догадкахъ, Г. Респю необходимо долженъ спвовалъ имѣть какой нибудь актъ, дабы сынъ могъ со временемъ пользоваться его состояніемъ. А посему, она и рѣшилась окружить комнату своего мужа строгимъ надзоромъ. Она деспотически властвовала въ своемъ домѣ, который, однимъ словомъ, подвергся шпионству женщины. Она цѣлый день сидѣла въ гостиной, въ которой приняла меня, и которая примыкала къ комнатѣ ея мужа. Тупъ, она могла слышать малѣйшее слово и даже самыя легкія движеніе-

нія. На ночь она приказывала раскидывать кровать въ сей горницѣ, и большую часть времени не спала. Докторъ былъ совершенно расположенъ въ ея пользу. Привязанность сія къ мужу казалась выше всякой похвалы. Она съ понукоспїю, свойственною въроломнымъ женщинамъ, умѣла переполковать причину отвращенія, которое Г. Ресто обнаруживалъ къ ней, и съ совершенствомъ представляла поддѣльную горестъ. Она прїобрѣла нѣкоторую знаменитость. Нѣкоторые смпреницы находили даже, что она такимъ примѣрнымъ поведеніемъ заглаживаетъ прежніе свои просупки. Но она всегда имѣла предъ глазами нищету, которая ожидала ее по смерти мужа, если она хоть на минушу потеряетъ присупствїе духа. Такимъ образомъ, женщина сія, опсраненная опъ болѣзненнаго ложа,

На которомъ спрадалъ ея мужъ, обвела около него магическій кругъ. Туть — удаленная пнь, но близкая къ нему, опверженная, но могущеспвенная, она являла собою примѣръ супруги, приверженной по наружности, но выжидающей смерти и наслѣдства мужа, подобно пѣмъ полевымъ насѣкомымъ, которыя, въ глубинѣ песчаной, улыткообразной пронаспи, сперегутъ неизбѣжную жертву, прислушиваясь къ шороху каждой падающей пылинки.

Самый строгій судія не могъ не сознаваться, что Графиня въ высшей степени обладала чувствомъ материнской пѣжности. Она обожала своихъ дѣтей и воспитывала ихъ съ большимъ пщаніемъ. Она умѣла совершенно скрыть отъ нихъ картину своей беспорядочной жизни, и малолѣпство ихъ чрезвычайно способствовало ей въ семъ отношеніи. Она была ими любима

ма такъ , какъ только могла желать сего. Признаюсь, что даже я самъ не могу опказать ей въ нѣкоторомъ уваженіи, надъ коимъ Гобсекъ шушилъ до сихъ поръ. Я твердо увѣренъ, что въ это время Графиня познала всю подлость Виконта, и уже кровавыми слезами выкупила заблужденія своей прошедшей жизни.

Несмотря на гнусность мѣръ, принятыхъ ею для того, чтобы завладѣть имуществомъ ея мужа, онѣ могли быть извинены ея материнскою любовію и желаніемъ загладить вины свои передъ дѣтьми. Подобно всемъ женщинамъ, испытавшимъ бури страстей, она чувствовала влеченіе возвратиться къ добродѣтели, и можетъ быть она никогда не знала такъ хорошо цѣны непорочности, какъ въ ту минуту, въ которую начинала пожинать печальные плоды преступ-

ной жизни. Каждый разъ, какъ молодой Эрнеситъ выходилъ отъ отца, онъ подвергался самымъ строгимъ вопросамъ обо всемъ сказанномъ и сдѣланномъ Графомъ. Ребенокъ охотно удовлетворялъ желаніямъ матери, съ опроверженностью юности, и, приписывая ихъ нѣжному соучастію, предупреждалъ всѣ ея вопросы.

Посвященіе мое озарило новымъ свѣтомъ Графиню. Она видѣла во мнѣ исполнителя мести ея мужа. Она твердо рѣшилась не допускать меня къ умирающему.

Признаюсь, что, волнуемый злымъ предчувствіемъ, я сильно желалъ найти случай поговорить съ Графомъ. Я безпокоился на счетъ акіовъ, уничтожающихъ продажу. Еслибы они попались въ руки Графини, и она захотѣла бы требовать исполненія оныхъ, то между ею и Гобсекомъ завязалась

бы продолжительная паяза; ибо я довольно зналъ ростовщика, чшобы предвидѣть, что онъ никогда не уступитъ Графинѣ имѣнія; сверхъ того, къ содержанію сихъ актовъ можно было сдѣлать множество придирокъ; а оборотѣ дѣла зависѣлъ отъ одного меня.

И такъ, чшобы предупредить сколько несчастій, я во второй разъ отправился къ Графинѣ.

— Я замѣнилъ, сударыня, сказалъ стряпчій Виконшесъ Гранльё, принимая на себя самодовольный видъ чело-вѣка, повѣряющаго другому тайну, что въ свѣтѣ существуютъ нѣкоторыя нравственные феномены, на которые мы не довольно обращаемъ вниманія. Одаренный отъ природы охотою наблюдать, я во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, коими занимался, и въ копорыхъ игра спраспей такъ силь-

но обнаруживается, невольно былъ руководимъ духомъ психологическаго разбора. И я, всякій разъ, съ изумленіемъ взиравъ на то, что два противника почти всегда угадываютъ взаимныя, тайныя намѣренія и мысли. Иногда, между двумя врагами, существуетъ та же ясность въ сужденіяхъ, но же душевное сочувствіе, какъ между двумя любовниками, которые читаютъ одинъ въ душѣ другаго.

Такимъ образомъ, когда Графиня и я находились другъ передъ другомъ, я мгновенно появляя причину ея опроверженія ко мнѣ, несмотря на то, что она скрывала свои чувства подъ пріятною личиною учтивости и расположения. Что касается до нея, она внезапно угадала, что я повѣренный ея мужа, и что онъ еще не передалъ въ мои руки своего имущества. Разговоръ нашъ, опъ выслушанія коего я

васъ увольняю, оспался въ моей памяти, какъ самое опасное бореиіе, которому я когда либо подвергался. Графиня обладала умомъ чрезвычайно пылкимъ. Природа надѣлила ее всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы прельщать. Она старалась смѣшать, запустить меня, принимая на себя попеременно по снисходительный, по гордый, ласкапелый, доврчивый видъ; она даже пыталась возбудить во мнѣ желанія, возжечь въ моемъ сердцѣ любовь. Спранія ея не имѣли успѣха; но это было жестокое испытаніе для меня. Когда я прощался съ нею, по замѣнилъ въ глазахъ ея выраженіе ненависти и злобы, которыя привели меня въ прецель. Мы распались врагами. И думаю, что она съ живѣйшимъ удовольствіемъ смотрѣла бы, какъ меня рѣзывали на части или четвербовали; между тѣмъ какъ я чувствовалъ къ

ней одно состраданіе. Чувство сіе видно было въ поелднихъ предложеніяхъ, которыя я ей сдѣлалъ, и я думаю, что оставилъ въ ея душѣ глубокій ужасъ; ибо объявилъ ей, что какъ бы она ни поступила, но неизбежно должна потерять состояніе мужа.

— Еслибы я увидѣлъ Графа, то по крайней мѣрѣ благо дѣшей вашихъ. . . .

— Я буду зависѣть отъ вашихъ распоряженій! . . . сказала она съ видомъ отвращенія.

Объяснившись такъ односторонне съ Графинею, я рѣшился, безъ всякаго посторонняго содѣйствія, спасти сіе семейство отъ нищеты, его ожидавшей. Вотъ каковы были мои приуговивательныя мѣры, когда я былъ готовъ поступить даже пропивузакономъ порядкомъ, ежели это будетъ нужно для достиженія моей цѣ-

ли. Я подалъ на Графа Ресто прошение въ судъ, о взысканіи съ него суммы, будто бы должной имъ Гобсеку, и получилъ указъ о задержаніи его.

Графиня, разумѣется, скрыла сіе опредѣленіе суда, но я, въ слѣдствіе онаго, имѣлъ право опечатавъ все по смерти Графа. Помомъ я подкупилъ одного изъ слугъ, и онъ обѣщаль мнѣ, увѣдомить меня, хотя бы ночью, когда Графъ будетъ при последнемъ издыханіи. Я имѣлъ намѣреніе явиться вдругъ, испугать Графиню, угрожая ей немедленнымъ наложеніемъ печатей, и спасти такимъ образомъ акты, уничтожающіе продажу. Я узналъ позже, что женщина сія занималась изученіемъ законовъ, слушая спенанія ея умирающаго мужа! . . . . Еслибы возможно было уловить мысли душъ, окружающихъ

ложе смерти, какія бы ужасныя картины представили онъ намъ! И всегда спрасть къ богачствамъ есть пружина выдумываемыхъ козней, составляемыхъ плановъ, умышляемыхъ заговоровъ.

Оставимъ теперь довольно незанимательныя сами по себѣ подробности, которыя могли впрочемъ объяснить вамъ причину многихъ мученій.

Уже два мѣсяца Графъ Респо, покорившійся своему жребію, лежалъ въ постель, одинъ, въ своей комнатѣ. Смертельная болѣзнь медленно ослабила его тѣло и даже разумъ. Онъ былъ погруженъ въ мрачную меланхолю. Будучи жертвою болѣзненныхъ причудъ, странность коихъ кажется непонятною, онъ пропивилъ тому, чтобы убрали его комнату, не позволялъ даже переспилать свою постель. Сіе чрезвычайное отвращеніе по прошествіи нѣкотораго време-

ни, видимо было на всемъ , окружающемъ его ; мебель его комнаты была въ безпорядкѣ ; все въ ней было покрыто пылью и паушиною. Бывъ богатъ и разборчивъ во вкусъ , онъ теперь полюбилъ печальное зрѣлище, представляемое снмъ покоемъ. Столъ, комодъ , бюро, кресла были завалены предметами , необходимыми во время болѣзни. Вокругъ него стояли склянки, пустыя или полныя, почти всѣ запечатанныя, лежало разбросанное бѣлье, валялись разбиыя шарелки , раскрытый нагрѣвательникъ былъ передъ огнемъ , ванна стояла у стѣны. Все представляло непрятный для глазъ хаосъ. Признаки разрушенія видимы были на всемъ. Смерть завладѣла вещами, не похитивъ еще спрадальца, и комната сія походила на кладбище, усманное коспиями. Графъ имѣлъ оповращеніе отъ свѣта: сквозные ставни

были запершы, и темнота еще болѣе придавала мрачности сему печальному мѣсту. Больной чрезвычайно похудѣлъ. Глаза его еще блистали, и казалось жизнь искала въ нихъ убѣжища. Синеватая блѣдность его лица имѣла что-то ужасное для глазъ, въ особенности отъ необыкновенной длины его волосъ, которые онъ никогда не позволялъ спречь. Они длинными, плоскими клочками висѣли вдоль его щекъ и придавали ему сходство съ изувѣрами, нѣкогда обитающими степей. Онъ имѣлъ только тридцать семь лѣтъ отъ роду, и недавно еще былъ молодъ, живъ, счастливъ, любилъ блеснуть. Печаль убила въ немъ всѣ чувства человѣческія.

Въ началѣ Декабря мѣсяца 1819 года, въ одно утро, онъ горестно смотрѣлъ на своего сына Эрнеста,

который сидѣлъ въ ногахъ на его постѣли.

— Не усилилась ли боль ваша? . . . спросилъ его ребенокъ .

— Нѣтъ! сказалъ онъ съ ужасною улыбкою, всё *здѣсь и около сердца!*

И показавъ на свою голову, онъ съ такою силою прижалъ свои сухіе пальцы къ пустой груди, что заставилъ Эрнесна заплакать.

— Почему М. до сихъ поръ не пришелъ ко мнѣ? . . . . (онъ говорилъ обо мнѣ) спросилъ онъ у своего вошедшаго камердинера.

Слуга сей, котораго онъ считалъ приверженнымъ къ себѣ, былъ совершенно на сторонѣ Графини.

— Какъ, Іосифъ! вскричалъ умирающій, поднявшись въ поспѣлъ, и какъ бы стараясь собрать все свое присутствіе духа, вопль уже семь или восемь разъ, какъ, въ продолженіи двухъ не-

дѣлъ, я посылаю тебя къ моему спрячшему, и онъ не приходитъ! Не думаешь ли ты что со мною можно шутить? Поди къ нему сей часъ, сію минуту, и приведи его . . . . . Ежели ты не исполнишь моихъ приказаній, то я встану самъ, и пойду . . . . .

— Сударыня, сказалъ слуга, выйдя изъ комнаты, вы слышали что приказалъ Графъ? что мнѣ дѣлать?

— Припворись будто пошелъ къ спрячшему, и, возвратившись, скажи Графу, что его ~~повѣренный~~ уѣхалъ за сорокъ миль по процессу, не терпящему оплагательства. Ты прибавишь, что его ожидаютъ въ концѣ недѣли . . . . .

— Такъ какъ больные обыкновенно обманываются на счетъ своего положенія, сказала про себя Графиня, то онъ будетъ думать, что успеетъ

переговорить съ симъ челоуѣкомъ по его возвращеніи.

Докшоръ объявилъ наканунѣ, что весьма сомнительно, чтобы Графъ прожилъ еще сутки.

Когда, по прошествіи двухъ часовъ, слуга явился къ Графу съ симъ огорчительнымъ для него опвѣдомъ, умиравшій казался былъ въ сильномъ волненіи.

Боже мой! Боже мой! повпорялъ онъ неоднократно, на тебя одного возлагаю мое упованіе! . . . . .

Онъ долго смотрѣлъ на своего сына, и сказалъ ему наконецъ слабымъ голосомъ:

— Эрнестъ, дитя мое, ты еще очень молодъ, но имѣешь доброе сердце, и понимаешь безъ сомнѣнія всю свяпость обѣщанія, сдѣланнаго умирающему отцу . . . . . Чувствуешь ли ты себя способнымъ сохранить тай-

ну, скрипъ оную въ глубинѣ души, дабы самая мать своя не могла и подозрѣвать оной? . . . . Нынѣ, сынъ мой, я не могу положиться въ этомъ домѣ ни на кого, кромѣ тебя. Ты не употребишь во зло моей къ тебѣ до-вѣренности? . . . . .

— Нѣтъ, бапюшка.

— И такъ, Эрнестъ, я сей часъ вручу тебѣ запечатанный пакетъ. Онъ принадлежить Г. М. . . . . Храни оный такъ, чптобы никто не зналъ, чпто онъ у тебя; постарайся выпши изъ дома, и отнеси пакетъ на малую почту (petite poste), которая въ угловомъ домѣ на нашей улицѣ.

— Хорошо, бапюшка.

— Могу ли положиться на те-бя? . . . . .

— Можете, бапюшка.

— Обними меня? Ты, симъ обща-ніемъ, облегчаешь мои послѣднія ми-

нупы, любезное дитя, и, по прошествіи десяти или двѣнадцати лѣтъ, ты поймешь всю важность этой тайны; тогда ты получишь награду за твою распорочность и послушаніе, тогда ты узнаешь, сколько я тебя люблю . . . . Оставь меня на минуту, и поспарайся, чтобы совершенно никто не входилъ сюда.

Эрнесъ вышелъ, и увидѣлъ что мать его стояла въ гостиной.

— Эрнесъ, сказала она ему, по-ди ко мнѣ!

Она сѣла у камна, посадила сына на колѣни, и крѣпко прижавъ его къ груди, поцѣловала.

— Эрнесъ, отецъ твой только что говорилъ съ побою? . . . .

— Да, мапушка.

— Что онъ сказалъ тебѣ?

— Я не смѣю повторить того, мапушка.

— О! любезное дитя мое, вскричала Графиня, съ восторгомъ цѣлуя его, какъ твоя скромность похвальна! . . . . Не лгала никогда и быть вѣрнымъ слову, вошь два правила, которыя должно всегда поминать.

— О какъ ты хороша, мапушка! Ты никогда не лгала! . . . . я увѣренъ въ тебѣ! . . . .

— Нѣтъ, любезный Эрнестъ, я лгала, я не сдержала даннаго слова; но бываютъ обстоятельства, при которыхъ должно измѣнить симъ правиламъ.

Послушай, милый Эрнестъ, ты уже довольно великъ, довольно уменъ, чтобы замѣнить, что отецъ твой опровергаетъ меня, опказываясь отъ моихъ попеченій . . . . . а ты знаешь, какъ я его люблю. Это естественно . . . . .

— Нѣтъ, мапушка.

— И такъ, милое дитя мое, сказала Графиня со слезами, несчастіе сіе есть слѣдствіе вѣроломныхъ козней. Злые люди, имѣя въ виду удовлетворить своему корыстолюбію, успѣли поссорить меня съ твоимъ отцомъ. Они намѣрены лишить насъ нашего состоянія, и завладѣть онымъ. Если бы твой отецъ не былъ болѣнъ, то наше несогласіе тотчасъ бы прекратилось; ибо онъ выслушалъ бы меня; и какъ онъ весьма добръ и чувствителенъ, то призналъ бы мою невиновность. . . . Но разумокъ его немного пострадалъ отъ болѣзни, и предубѣжденія пропхвъ меня, поселившіяся въ его умъ, доказываютъ, что онъ нѣсколько помѣшался. Болѣзнь тому причиною. . . . Приспрасіе отца твоего къ тебѣ, служишь новымъ доказательствомъ разстройства его разсудка; ибо ты самъ никогда не замѣ-

шилъ , чтобы , до болѣзни , онъ любилъ Паулину и Георга менѣе , чѣмъ тебя . Онъ чрезвычайно причудливъ . И такъ , руководствуясь своею нѣжностью къ тебѣ , онъ можетъ сдѣлать тебѣ тайныя порученія , возложивъ на тебя исполненіе какихъ нибудь приказаній . . . . Если ты не хочешь раззорить своего семейства , ангель мой , если не хочешь увидѣть со временемъ мать твою просящею милоспыню , подобно нищимъ , встрѣчаемымъ побою на улицѣ , то не долженъ ничего скрывать отъ нея . . . .

— А! а! . . . . вскричалъ Графъ , котораго , отворивъ двери , явился вдругъ почти нагій , и былъ такъ сухъ , такъ изможденъ , что походилъ на скелета .

Его глухой голосъ произвелъ на Графиню страшное дѣйствіе .

Она пребыла неподвижною, какъ бы оцѣпенѣвъ опъ ужаса; ибо мужъ ея былъ такъ хилъ, такъ блѣденъ, что казалось вышелъ изъ гроба, и нечаянный приходъ его походилъ на сверхъестественное явленіе.

— Ты преисполнила жизнь мою горестями. . . . . Желаетъ ли возмутить покой и послѣднихъ минутъ моихъ? . . . . . закричалъ онъ хриплымъ голосомъ.

Графиня вспала, и бросилась къ ногамъ своего умирающаго мужа, котораго послѣднія ощущенія угасающей жизни, сдѣлали почти опиврапительнымъ. Слезы ручьями текли изъ глазъ ея.

— Прости, прости меня! . . . . . вскричала она.

— Имѣла ли ты состраданіе ко мнѣ? . . . спросилъ онъ.

— Пусть такъ, хорошо, не имѣй
соспрананія ко мнѣ! . . . . Будь не-
преклоненъ! . . . . сказала она, но дѣ-
ши! . . . . . Осуди меня на мона-
стырскую жизнь, я буду повиновапъ-
ся; я сдѣлаю, чптобы загладишь про-
сѣупки мои пропшву тебѣ все, что те-
бѣ угодно будѣшь приказать мнѣ; но
устрой счастье дѣшей! . . . . О! не за-
будь дѣшей! . . . . . дѣшей! . . . . .

— У меня одно дшпя! . . . . отвѣ-
чалъ Графъ, пропягивая съ судорож-
нымъ движеніемъ изможденную руку
къ своему сыну.

— Боже мой! . . . . умилосердпсь! . . . .
раскаяніе. . . . раскаяніе! . . . . кри-
чала Графиня, обнимая влажныя но-
ги своего мужа; ибо всхлипыванія
препятствовали ей продолжашъ, и не-
связныя, опривисшыя слова вырыва-
лись изъ сильно-волнующейся груди ея.

— Что говорила ты Эрнеспу!...
Хорошо раскаяніе! . . . .

При сихъ словахъ умирающій оттолкнулъ ногою опъ себя Графиню.

— Дрожь беретъ меня отъ твоихъ обьящій! . . . . сказалъ онъ съ равнодушіемъ, имѣвшимъ что-то ужасное.

Несчастливая упала въ обморокъ.

Больной возвратился въ свою комнату, легъ въ постель, и нѣсколько часовъ спустя впалъ въ безпамятство. Духовникъ пришелъ причастить умирающаго Святыхъ Таинъ. Въ полночь онъ скончался. Пронесшавшая по утру сцена, истощила остальные жизненные силы его.

Ровно въ полночь я пріѣхалъ съ Гобсекомъ.

Пользуясь царствовавшимъ въ домѣ безпорядкомъ, мы безпрепятственно вошли прямо въ небольшую гос-

пиную, находящуюся возле комнапы усопшаго.

Тамъ заспали мы прехъ дѣшей въ слезахъ, и двухъ священниковъ, должнспвовавшихъ провести ночь у пѣла Графа.

Эрнесль подошелъ ко мнѣ, и сказалъ чпо мапушка его желаепъ быть одна въ комнапѣ покойника.

— Не входите туда, сказалъ онъ прогашельнымъ голосомъ, указывая на двери, маменька молшпся! . . . .

Гобсекъ засмѣялся, издавая изъ груди привычный глухой звукъ; но я былъ слишкомъ пронупъ чувспвомъ, выражавшимся на юномъ лицѣ Эрнес-та, чпобы раздѣлшть сю неумѣсп-ную насмѣшку.

Когда ребенокъ увидѣлъ, чпо мы идемъ къ двери, онъ бросился къ ней, и закричалъ:

— Маменька, шупъ двое въ черныхъ плащяхъ спрашиваютъ тебя! . . . . .

Гобсекъ опнесъ Эрнеста опъ дверей, какъ бы перышко, и опперъ оныя.

Какое зрѣлище представилось нашимъ взорамъ!

За десять только минутъ скончался Графъ, а жена его успѣла уже опбить замки у всѣхъ комодовъ и у бюро, ящики у столовъ были выдвинуты, и повсюду въ комнатѣ царствовалъ ужасный безпорядокъ. Графиня, съ распущенными волосами, съ сверкающими глазами, рылась въ бумагахъ, лоскупьяхъ, однимъ словомъ, перебирала всѣ вещи покойника. На ковръ были навалены груды всякой всячины. Сломанная мебель, разорванные поршфели валялись по полу. На всемъ видны были слѣды ея дерзкихъ и святошественныхъ рукъ. Опвращатель-

но, было смотрѣть на сіе неустройство въ комнатѣ усопшаго.

По видимому, обыскъ Графини сначала былъ неуспѣшенъ; но видъ ея и волненіе въ которомъ она находилась, удостовѣрили меня, что она уже опыскала тайнственныя бумаги.

Я взглянулъ на поспель, и, съ свойственною дѣловымъ людямъ проницательностію, угадалъ все, что происходило.

Тѣло покойника находилось за кроватью, лицомъ къ шюфяку, и было брошено путь съ такою же небрежностію, какъ и пакеты, лежавшіе на полу. Окостенѣлыя члены его придавали ему какой-то чудный, ужасный видъ. Невольно сіе зрѣлище приводило въ трепетъ.

Вѣроятно умиравшій Графъ спрятавъ подъ подушку актъ, уничтожающій продажу, дабы тѣмъ спасти

онъ опъ Графини до минуты своей кончины ; его жена , можетъ быть , въ порывѣ ярости , угадала мысль своего мужа . Впрочемъ , сіе несповное чувство изобличалось ея послѣднимъ плѣдвигеніемъ , судорожною окостенѣлостію загнутыхъ ея пальцевъ . Брошенная подушка лежала у кровати , и нога Графини оставила на ней несомнѣнный признакъ ея бѣшенства .

Она смотрѣла на насъ съ какимъ-то дикимъ выраженіемъ , и , неподвижная , съ трудомъ переводя дыханіе , ожидала , чтобы мы произнесли первое слово .

Я увидѣлъ передъ нею , у самыхъ ногъ ея , пакеть , который по видимому , былъ прежде запечатанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ . Узнавъ печать Графа , я съ поспѣшностію поднялъ оный , и по надписи заключилъ , что

содержавшіяся въ немъ бумаги должны-сповоами бытъ переданы мнѣ.

Я пристально посмопрѣлъ на Графиню, и взглядъ мой выражалъ прозорливость спрогаго судьи, допрашивающаго подсудимаго.

Пламень въ каминѣ пожиралъ бумаги. Вѣроятно что Графиня, найдя оныя, и услышавъ наше приближеніе, бросила ихъ въ огонь. Акшъ, уничтожающій продажу, должно полагать, былъ сложенъ такимъ образомъ, что она, въ поропяхъ, успѣла только прочитать распоряженія Графа касательно двухъ послѣднихъ ея дѣтей, и посему, она въ своемъ заблужденіи, рѣшилась уничтожить духовную, лишающую ихъ наследства. Терзаемая угрызениями совѣсти, и невольно объятая ужасомъ при мысли о своемъ пресупленіи, она совершенно потерялась. Она видѣла себя оп-

крышою, и взорамъ ея, можетъ быть, уже представлялся эшафотъ и ожидающія ея испязанія.

— Ахъ, сударыня! воскликнулъ я, вышпывая изъ огня не совсѣмъ еще сгорѣвшій лоскупокъ. Вы разорили вашихъ дѣшей! . . . . Эти бумаги были докуменпы, утверждающіе ихъ во владѣніи имѣніемъ ошца. . . .

Губы ея запряслись, какъ бы предвѣщая ударъ паралича; она задрожала, и взглянула на меня съ какимъ-то безуміемъ.

— Ге, ге! вскричалъ Гобсекъ.

Сіе восклицаніе ростовщика произвело на насъ то непріятное ощущеніе, которое возбуждаетъ произпсельный звукъ скользящаго по мрамору мѣднаго подсвѣчника!

Послѣ крапкаго молчанія, старикъ сказалъ мнѣ спокойнымъ голосомъ :

— Не вздумали ли вы увѣрять Графиню, что я незаконно вступаю во владѣніе имѣніемъ, проданнымъ мнѣ Графомъ? Но и самый домъ эпопъ уже часъ тому назадъ принадлежалъ мнѣ! . . . . .

Ударъ булавою по головѣ, менѣе бы сихъ словъ изумилъ меня и причинилъ мнѣ боли.

Графиня замѣшила мой испугъ и взоръ негодованія, брошенный мною на росповщика.

— Государь мой, сказала она ему, государь мой? . . . . .

Она не въ состояніи была продолжать.

— У васъ есть тайное завѣщаніе? . . . . . спросилъ я его.

— Быть можетъ.

— Уже ли вы употребили во зло преступленіе Графини?

— Справедливо.

Я вышелъ, оставивъ Графиню спящею возмѣ поспели своего мужа, и проливающею горькія слезы.

Гобсекъ послѣдовалъ за мною. Когда мы были на улицѣ, я распался съ нимъ; но онъ подошелъ ко мнѣ, и бросивъ на меня глубокій, испытующій взоръ, сказалъ:

— Ты вздумалъ бышь судьбою своего благодѣтеля! . . . . .

Съ сего времени мы видались рѣдко. Гобсекъ живетъ въ домѣ Графа, проводитъ лучшее время въ помѣстьяхъ, живетъ баринномъ, спрощъ мызы, починяетъ мѣльницы, дороги, и разсаживаеетъ деревья. Онъ оставилъ *ремесло* росповщика, и былъ избранъ въ Депутаты; желаетъ теперь получить званіе Барона и знакъ опличія. Онъ не ѣздитъ иначе какъ въ каретѣ.

Однажды я встрѣтился съ нимъ въ Тюмерійскомъ саду.

— Графиня живетъ съ достойнымъ самоопроверженіемъ, сказалъ я ему; она посвятила себя воспитанію своихъ дѣтей. Она образовала ихъ отлично. Старшій сынъ прекрасный молодой человекъ. . . . .

— Ага! сказалъ онъ, по этому она, бѣдняжка, выпушалась изъ бѣды. . . . . Очень радъ. — Тутъ онъ съ бранью воскликнулъ: — Она была хороша!

— Но, возразилъ я, вы бы должны помочь. . . . .

— Помочь Эрнесту! . . . . . вскричалъ Гобсекъ. Нѣтъ, нѣтъ, пускай-ка онъ узнаетъ нужду, и цѣною бѣдливѣй купишь опытность. . . . . Злосчастіе есть лучший нашъ учитель. Доброшъ того, кто не испыталъ горя, всегда чего-то недостаетъ. . . . .

Я оставилъ его, лишась надежды.

Наконецъ, съ недѣлю тому назадъ, я былъ у Гобсека. Увѣдомивъ его о любви Эрнеста къ дѣвницѣ Камиллѣ, я упрашивалъ его, привесити въ исполненіе волю покойнаго, и возвратити сыну его имѣніе, попому что молодой Графъ доспигъ совершеннолѣтія. . . . .

Черезъ двѣ недѣли онъ обѣщаль мнѣ дасть оповѣсть. Вчера онъ объявилъ мнѣ, что союзъ сей считаесть благоразумнымъ, и что въ день брака утвердитъ Эрнесту маіорантъ во сто тысячъ ливровъ годоваго дохода. . . . . По сколько странносней узналъ я объ Гобсекѣ! . . . . . Этому человеку вснало на умъ играть ролю добродѣтельнаго, съ такою же необычайною прозорливостію, искусствомъ и спокойствіемъ духа, копорыя опличзали его въ тѣхъ оборотахъ, коими онъ занимался, бывъ ростовщикомъ. Онъ презираесть людей, попому что чшпаесть

въ душѣ ихъ, какъ въ книгѣ, и находить удовольствіе, попеременно, изливать на нихъ благодаренія, и осыпать ихъ бѣдствіями. Онъ ангель, онъ демонъ; но чаще демонъ, чѣмъ ангель.

Прежде, я видѣлъ въ немъ могущество олицетвореннаго золота. . . . .
Теперь же онъ, въ глазахъ моихъ, принялъ мечшапелный образъ СУДЬБЫ.

— Почему вы принимали такое участіе во мнѣ и Эрнестъ? сказалъ я ему вчера.

— Потому что вы, и его отецъ были единственными людьми, совершенно положившимися на меня.

— И такъ, сказала Виконцесса, мы выхлопочемъ Гобсеку званіе Барона, и посмотримъ! . . . . .

— Дѣльно! вскричалъ старый Маркизъ, прерывая свою сеспру, чтобы

не опігадали што онъ спавъ, и не слы-
хавъ повѣстии, разказанной спряп-
чпмъ. Дѣльно! . . . .

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ СЦЕНЫ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	страч.
Опасности порочной жизни	1.
Росповщикъ	12.
Стряпчій	46.
Смерть мужа	110.

ЦѢНА:

На любской бумагѣ 2 руб.

На веленовой . . . . 3..